

Он возомнил себя Богом и начал карать...

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ

АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

коммерсант

Андрей Воронин **РУССКИЙ БРАТ**

ЗЕМЛЯК

ДЕТЕКТИВ

Мужество бессмертно

Андрей Воронин
Русский брат. Земляк

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Русский брат. Земляк / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ», 2014

ISBN 978-985-18-3109-4

В романе Андрея Воронина «Русский брат. Земляк» майор ФСБ Максим Левченко в одиночку выходит на тропу войны с мощным русским ответвлением всемирного масонства – ложей «Восток». Кто победит – «скальпель хирурга» или «раковая опухоль», пустившая глубокие метастазы? Обостренное чувство долга и почти подсознательная, но все-таки любовь к этому больному ребенку – своей Родине – помогает главному герою выстоять.

УДК 821.161.1(476)-312.4

ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3109-4

© Воронин А. Н., 2014

© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Смерть продюсера	6
Глава вторая. Предварительное расследование	9
Глава третья. Слишком близкие подруги	13
Глава четвертая. Легенда о Хираме Абиффе	17
Глава пятая. На пепелище	21
Глава шестая. Ночной «Аквариум»	25
Глава седьмая. Не стоит злоупотреблять гостеприимством	28
Глава восьмая. На месте преступления	32
Глава девятая. Курортные досуги	36
Глава десятая. Шанс для подследственного	42
Глава одиннадцатая. Черная комната	46
Глава двенадцатая. Последние новости из фонда	50
Часть вторая	54
Глава первая. И на кладбище бывает беспокойно	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Воронин

Русский брат. Земляк

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

Часть первая

Глава первая. Смерть продюсера

Олега Каллистратова можно было с полным правом назвать «совой». Обычно он работал до четырех-пяти часов ночи. Чтобы потом отсыпаться до полудня. На этот раз выспаться не удалось – зазвонил телефон. Звонил долго, настырно – человек на том конце провода явно знал, что Олег спит и задался целью его разбудить.

– Слушаю.

– Привет. Не торопись чертыхаться.

Каллистратов узнал голос Мигунова, знакомого журналиста из «Вечерних новостей», пронырливого человечка, у которого полстолицы числилось в знакомых.

– Ты не бросил еще свою затею?

– Какую затею? – стряхивая остатки сна, Олег провел ладонью по лицу сверху вниз.

– С книжкой.

Полгода назад, когда Каллистратов еще не обзавелся компьютером, редактор «Вечерних новостей» разрешил ему пользоваться своим – после десяти вечера. Мигунов из чистого любопытства задерживался несколько раз допоздна пока не пронюхал, что Олег заносит на дискету сырой материал для будущей книги о масонстве – его корнях, его проникновении в Россию, его настоящем.

С телефоном в руках Олег отправился на кухню, чтобы поставить греться чайник.

– Если уж ты меня разбудил, давай без предисловий.

– Ты ведь знаешь Альтшуллера?

– Который держит на плаву Сочинский кинофестиваль? Знаю понаслышке.

– Вчера я собирался взять у него интервью, но опоздал. Он страшно торопился. Предложил лететь следом к Черному морю, на очередной фестиваль.

Каллистратов держал трубку на расстоянии от уха – ему трудно было переносить спронежия полную энтузиазма скороговорку.

– Я ответил, что достижения отечественных кинематографистов меня мало волнуют. Оказывается, Альтшуллер намерен созвать там большую пресс-конференцию, чтобы поведать совсем о другом. Он не хотел говорить заранее, но бросил на бегу что-то о тайной масонской секте. Я, конечно вцепился как бульдог, но он оказался крепким орешком.

– Почему не в Москве?

– Я тоже задал этот вопрос. Он объяснил, что в столице с некоторых пор чувствует себя неуютно. Короче – я лечу на фестиваль.

– Все это попахивает очередной попыткой саморекламы, – заметил Олег.

Чайник вскипел и он сделал себе кофе.

– У меня чутье на сенсации. Полетели вместе. До начала пресс-конференции я попробую расколоть его на интервью. Сам понимаешь, в таких делах важно опередить остальных хотя бы на полкорпуса. Но надо еще вопросы задать с умом – тут тебе карты в руки.

– А билеты?

– Я уже заказал. Сварганим вместе материал, а потом подумаем куда его закинуть. Только не к нам в газету – шеф заплатит копейки.

– Если Альтшуллер действительно знает что-нибудь серьезное, я вообще отсоветую ему предавать дело гласности.

– Это было бы отлично. Если на пресс-конференции он эту тему не затронет, мы останемся монополистами.

* * *

Сочи встретил их свинцовым морем и теплым, уныло морозящим дождем. Все выглядело настолько буднично, что в реальность существования таинственной организации с архаичной символикой и сложной обрядностью верилось с трудом.

С другой стороны изыскания Каллистратова среди редких, изданных мизерными тиражами книг, неопубликованных дневников начала века, донесений царской охранки и большевистского ЧК показывали, что ходячее выражение «Мафия бессмертна» вполне применимо и к масонству. В какую бы страну не заносило его семена, растение прорастало на любой почве. И выдолоть его окончательно не удавалось никому, потому что оно пускало ростки в темноту, под землю.

Везде по городу были расклеены плакаты очередного фестиваля, чувствовалась рука умелого организатора. В фойе гостиницы мелькали знакомые лица – московская киношная тусовка на неделю переместилась на юг.

– Надо уточнить у администратора – он наверняка остановился здесь, – Каллистратов уже сделал шаг к стойке, но Мигунов задержал его:

– Пошли оформим сперва аккредитацию. У гостиничного начальства голова и так идет кругом, без карточки на груди с тобой просто никто не станет разговаривать.

Девушки, которые занимались аккредитацией сами любезно сообщили номер, который забронировал себе Альтшуллер.

– Двадцать четвертый. Он всегда живет в одном и том же.

– Это значит второй этаж, – рассудил Мигунов. – Можно идти пешком.

На этаже их встретил юноша баскетбольного роста в малиновом пиджаке.

– Извините, но Григорий Евсеевич никого не принимает. Могу выдать пропуск на пресс-конференцию, осталось ровно двадцать штук.

– Молодой человек, он сам назначил нам встречу, – без тени смущения заявил Мигунов. – Давайте свяжемся с ним по телефону, и разрешим все ваши сомнения.

– Телефон отключен. Григорий Евсеевич четко и ясно сказал, чтобы его не беспокоили еще два часа.

– Передайте хотя бы записку, это очень важно.

– Хорошо.

Мигунов, не отрываясь, принялся строчить. Этот щуплый человечек все делал порывисто, энергично. В записке он напоминал про разговор перед отлетом Альтшуллера из Москвы. «Я привез с собой компетентного специалиста по тому вопросу, который вы намерены затронуть. Очень важно, чтобы вы переговорили с ним заранее.»

Молодой человек в малиновом пиджаке взял сложенный вдвое листок бумаги и направился по коридору к двери с золоченым номером «двадцать четыре». Остановился, пригладил рукой волосы, застегнул пиджак на одну пуговицу и отчетливо постучал.

Пока он дожидался ответа Мигунов сдвинулся ближе к двери. Прошла минута, прежде чем рядовой сотрудник известного дельца, осмелился приоткрыть дверь. Сделав шаг внутрь, он словно провалился без следа.

Мигунов подобрался вплотную к приоткрытой двери, прислушался и пожал плечами. Потом втянул ноздрями воздух и тревожно взглянул на Каллистратова.

– Не нравится мне эта тишина. Дай бог, чтобы я ошибся.

Теперь Олег тоже почувствовал запах – тяжкий, неприятный. Почему-то вспомнилась бродячая собака, которую в прошлом году пристрелили у них во дворе. Странная ассоциация...

Не вытерпев, Мигунов толкнул дверь. На паркетном полу ничком лежал полноватый человек в махровом халате, человек, который успевал делать бизнес на всем – от кинематографа до нефти, Григорий Евсеевич Альтшуллер.

* * *

Именно в этот день Максиму Левченко принесли сувенир – закопченный предмет, напоминающий обычный мастерок.

– Со вчерашнего пожара в доме на Никольской, – объяснил капитан Спесивцев.

Левченко уже знал об этой истории – на четырнадцатом этаже нового комфортабельного жилого дома хозяин одной из квартир решил сделать «евроремонт». Кончилось это тем, что у рабочих взорвался баллон с газом для сварки. Обошлось без жертв. Зато полностью выгорело два этажа, еще три пожарные залили водой при тушении.

Из ФСБ отправили на место событий своего сотрудника. Опросив жильцов и рабочих, Спесивцев не усмотрел ничего, что могло бы навести на подозрения о целенаправленной диверсии. На всякий случай он переделался и бегло осмотрел сгоревшие квартиры.

Ничего интересного кроме мастерка. Довольно тяжелый, с массивной металлической ручкой. Но главное – отыскался он совсем не в той квартире, где делали ремонт.

Рабочие твердо заявили, что не имеют к мастерку никакого отношения.

– «Евроремонт» – это ж отделка, мы кирпичи не ложим.

– Я таких ни разу и в руках не держал. Смотрите, здесь и буквы нерусские.

На мастерке, действительно, были выгравированы несколько букв, не похожих ни на кириллицу, ни на латинский шрифт.

Спесивцев еще раз вернулся к тому месту, где нашел странный предмет. Похоже, он хранился в ящике сгоревшего стола. Что если это вообще не мастерок, а семейная реликвия? Какая-нибудь старинная лопаточка для торта. Нет для этой цели она все-таки слишком тяжела.

– Вспомнил о тебе – надо бы пополнить коллекцию Любченко.

– Интересная штукавина, – пробормотал майор.

– А что это за буквы?

– Без понятия... Спасибо, конечно, за сувенир, но у этой вещи должен быть хозяин.

– Я поинтересовался у соседей. Фамилия хозяина квартиры – Бородич. Вроде бы проживает в Швеции и даже организовал себе гражданство. Никто из них ни разу его не видел. За те два года, как дом заселили, в квартире появлялись разные люди, но постоянных жильцов не было.

Левченко не мог сказать, с какого момента начальство стало видеть в нем специалиста по тайным сектам. После успешного дела с российским филиалом «Аум Синрике»? После ареста богини «Белого братства»? С некоторых пор его регулярно привлекали к подобным делам.

Сам он считал себя профаном в этом «потустороннем» мире, гораздо более сложном и запутанном, чем реальный. Часто он задавал себе вопросы: какая сила влечет людей в тайные общества? Чего они хотят? – Причаститься к сокровенному знанию? Очутиться среди избранных? Завоевать высокое положение в новой иерархии, отрицающей земную? Или наоборот – не заботясь о будущем, слепо подчиниться чужой воле?

Беседуя с людьми, многие из которых с трудом возвращались к реальности, он пытался разобраться в их верованиях, даже самых бредовых. Но убеждался все больше и больше: главного они не в состоянии рассказать, даже если захотят.

Посвящение в таинство, видимо, заключается не в передаче и получении «секретной» информации, а в глубоком, не поддающемся передаче словами переживании, в котором слиты страх, боль и чувство просветления. Адская смесь...

Глава вторая. Предварительное расследование

Молодой человек в малиновом пиджаке прислонился спиной к стене – из последних сил боролся с подступающей дурнотой. Мигунов быстро присел на корточки и осмотрел тело, не касаясь его руками.

Не имело ни малейшего смысла приглашать врача, чтобы услышать его заключение. Смерть Альтшуллера не вызвала сомнений, она была столь же очевидной, как пасмурное небо, моросящий дождь и безрадостное море за окном. Стальной шип проткнул его голову насквозь – войдя на затылке, у основания черепа, он вышел из левой глазницы.

Теперь Каллистратов понял, какой запах показался ему отвратительным – запах крови.

– Я ничего не сделал, – пробормотал молодой человек в малиновом пиджаке. – Он уже лежал на полу.

Спрятав лицо в ладонях, юноша глубоко и прерывисто дышал.

– Кто будет звонить в милицию? – осведомился Каллистратов.

– Беру на себя. Я вроде бы ближе всех к телефону, – Мигунов никогда не упускал случая «попасть в историю».

– Осторожно, на трубке могут быть отпечатки пальцев! – истерично взвизгнул молодой человек.

– Григорий Евсеевич, вы у себя? – раздался женский голос из коридора.

– Блин, – Мигунов высунул голову наружу и попросил даму пригласить в номер старшего администратора.

– А Григорий Евсеевич? Он обещал меня принять.

– Это сейчас невозможно. Прошу вас, сходите за администратором. Тут всего два шага.

– Вот и сходите сами. Что я вам, девочка в конце концов?

– Марш на первый этаж! – скомандовал Мигунов.

Вернувшись в комнату, он сообщил:

– В самом деле. Пусть лучше администрация вызывает кого надо.

– Я его пальцем не трогал, – твердил молодой человек.

– Если вы встретите милицию в таком состоянии, то нужные улики отыщутся как по волшебству.

Появилась администраторша – представительная женщина лет пятидесяти в строгом костюме. Ее ухоженное лицо исказила гримаса ужаса. Она подняла глаза на присутствующих, словно спрашивая, как такое могло произойти.

– Мы сочли своим долгом прежде всего известить вас, – светским тоном заявил Мигунов.

– Какой кошмар, – администраторша опустила в кресло, потом вскочила и кинулась в прихожую, чтобы захлопнуть дверь.

– Вы надеетесь избежать скандала? – спросил Каллистратов. – Следователь все равно начнет допрашивать всех подряд.

– Это будет потом... Господи, почему его умертвили так ужасно? Теперь фестивалю конец.

* * *

Прибывшая на место преступления милиция первым делом перекрыла все входы и выходы. Труп сфотографировали и увезли на экспертизу. Из номера забрали все личные вещи Альтшуллера, даже окурки из пепельницы. Сняли отпечатки пальцев с дверной ручки, с телефонной трубки, со стола.

Первым взялись допрашивать Каллистратова. Он продемонстрировал свою аккредитационную карточку.

– Не могли дождаться пресс-конференции? – подозрительно спросил человек в штатском.

Пиджак у следователя явно поизносился на воротнике и рукавах, да и сам он, чувствовалось, давно не был в отпуске.

– Хотели успеть первыми. Когда собирается куча народу, толком уже не поговоришь.

Олег не сомневался, что Мигунов станет отвечать в том же ключе. Свою записку тот давно порвал и предупредил молодого человека не упоминать о ней:

– Лучше перестраховаться. А мы со своей стороны подтвердим, что все вошло одновременно. Нельзя давать этим товарищам ни малейшей зацепки.

Сотрудник Альтшуллера с готовностью согласился. Он не был телохранителем – просто выполнял функции «фильтра», просеивая людей, домогавшихся встречи с популярным бизнесменом. Поэтому вид трупа совершенно выбил его из колеи.

– Вы заметили что-нибудь подозрительное? – продолжал допрос человек в штатском. – Кто-нибудь входил в номер перед вами или выходил из него?

Следователь задавал те вопросы, которые задают все следователи в мире.

– Нам понадобятся ваши паспортные данные и отпечатки пальцев.

Оставив следы на пластинке из оргстекла, Каллистратов потом долго отмывал руки. Покончив с теми, кто первыми обнаружили труп, милиция принялась за гостиничный персонал и постояльцев второго этажа. Впрочем, действовали они с прохладцей, зная, что ни лавр ни терний не светит на этом пути – им просто-напросто не дадут пройти его до конца. Пришлют бригаду из Москвы – какого черта потеть ради чужой славы?

* * *

Мигунов в очередной раз проявил свои фантастические способности. Едва выскочив из номера, он помчался передавать материал в редакцию. А к вечеру сумел установить контакт с кем-то из милицейской команды и разузнал о результатах экспертизы, а также о предварительных итогах допросов.

Экспертиза показала, что смерть наступила между тремя и четырьмя часами дня – возможно в то самое время, когда Каллистратов с Мигуновым поднимались на второй этаж. На орудии убийства отпечатков пальцев не обнаружилось. Зато на дверной ручке следов было более чем достаточно – их предстояло еще идентифицировать. Свидетелей пока найти не удалось – люди из соседних номеров не слышали ни шума, ни криков.

– Ничего сенсационного, – признался Мигунов. – Вполне предсказуемый результат.

– А личные вещи? – спросил Каллистратов.

– Они еще не начинали с ними работать. Составили только опись: около трех миллионов рублей и триста долларов наличными, паспорт, пачка сигарет «Кент», пейджер, два костюма, несколько галстуков и дальше всякая мелочевка.

– Только бы ничего не растворилось по дороге из гостиницы в отделение.

– Как раз в этом смысле сочинские менты заслуживают доверия. Вряд ли здешнее начальство станет на них давить ради утайки улики – тут на курорте свои насущные проблемы. Очень удачно, что именно они начали работу, успели провести экспертизу. Бумаги из дела не выкинешь, теперь у москвичей будут хоть немного связаны руки.

Они беседовали в кафе на предпоследнем этаже гостиницы. Облачность немного рассеялась, проглянуло багровым заходящее солнце и поверхность моря ожила, заиграла бликами – правда, они не слепили глаза.

Милицейский карантин еще не закончился, и все запертые в здании уже ощущали некоторую общность. За каждым столиком разговор велся только о трагическом происшествии и сопутствующих обстоятельствах. Одни доказывали, что причины преступления кроются в «серьезном» бизнесе – нефтяном или автомобильном:

– В нашем кино крутятся не такие уже большие деньги, чтобы решать вопросы с помощью киллера.

Другие утверждали прямо противоположное – убийство, исполненное с редким сочетанием жестокости и профессионализма, это отголосок борьбы именно в сфере кино, точнее, видео.

– Евсеич вроде бы имел неплохие контакты с американскими фирмами. В последнее время они начали крестовый поход против «пиратских» кассет – надоело ежегодно терять десятки миллионов долларов. Через своих людей в Комитете по законодательству Думы Евсеичу наконец-то удалось протащить в прошлом месяце закон об уголовной ответственности за нарушение авторских прав.

После затхлого воздуха архивов и книгохранилищ дуновение моря проветривало легкие Каллистратова, забитые пылью тления. Он испытывал странное чувство. Такое испытал бы, наверно, палеонтолог, ушедший с головой в доисторические флору и фауну, если бы увидел своими глазами свежий отпечаток огромной лапы ящера. Человек лез вон из кожи, чтобы по ничтожной косточке воссоздать внешний облик гигантского чудища, а оно, оказывается, бродит по ночам где-то поблизости.

Сигаретный дым и аромат кофе соединялись с солоноватым запахом моря в заманчивую, дурманящую смесь, которая настойчиво говорила о лете, праздности, бронзовом загаре, доступных женщинах. Обо всем этом Каллистратов в последние годы крепко подзабыл – закрутился с книгой.

Тему о масонах подкинул Костя Квашнин, директор крохотного издательства, которое печатало все на свете: песенные сборники, советы огородникам, брошюры по астрологии, опусы из серии «Как нравиться мужчинам». Костя хотел слепить недорогую книжку в мягком переплете и даже показал макет обложки – фрагмент картины Босха с монстрами, пытающими грешников в аду.

– Покатит. Главное, чтобы это легко читалось. Не морочь себе голову библиографией и ссылками на первоисточники, не нужно цитат с заумным профессорским языком. Представь, что ты пишешь для человека, который регулярно смотрит по ящику фильмы ужасов. В конце концов придумай сам какой-нибудь обряд пострашнее. Лады?

Каллистратову как раз надоела редакционная суета, вечная гонка за сиюминутными сенсациями. Он с удовольствием ухватился за предложение, еще не зная что его ждет.

Через неделю он уже обложился толстыми фолиантами, уже хлопотал о пропуске в отдел редких изданий Государственной библиотеки. Комнату заполнили пронумерованные листки с выписками – они накапливались в папках, на полках, на столе. Потом выяснялось, что информацию нужно сортировать по другому принципу – чтобы обозреть как можно больше материала, он раскладывал листки по полу, цеплял булавками к обоям.

– Такому ответственному человеку как ты нельзя было братья за книгу по истории, – повторяла Алла. – Это дебри, ты оттуда просто не выберешься.

Олег и сам сознавал, что занялся совсем не тем, о чем его просили. Но то, что утверждалось в одной книге, убедительно опровергалось в другой. А третья брала обе версии под подозрение, даже не предлагая своей.

Он обнаружил, что писать о сегодняшней жизни нечто, еще не удостоверенное окончательно, гораздо легче. Эта жизнь была такой рваной, легковесной, изменчивой. Правда и ложь менялись местами чуть ли не ежедневно. Сегодняшнее нахальное преувеличение завтра ста-

новилося прописной истиной. Сама действительность словно подстраивалась под бесплотный мир масс-медиа.

Прошлое, наоборот, выглядело более тяжеловесным, устойчивым. Но оно ускользало каждый раз, когда Олег пытался разглядеть его подробнее. Рассыпалось, как мумии в египетских саркофагах, когда их неосторожно вскрывали профаны.

– Ты как будто расследуешь преступление, – удивлялась Алла. – Сличаешь показания давно умерших людей.

– У меня в руках больше ничего нет.

– Какая разница, все давным-давно прошло, – она отодвигала листки в сторону, чтобы присесть на диван. – Ты хотя бы подписал с Квашниным договор?

– Все эти договора ничего не стоят. Не стану же я нанимать адвоката, затевать процесс.

– Смотри, чтобы он тебя не обманул. Бери деньги по частям: написал главу – получил расчет.

Как большинство женщин Алла считала себя человеком сведущим...

Тем временем разговоры в кафе продолжались – одним ухом Каллистратов ловил обрывки:

– ...Завтра увидим. Не представляю как будут проводить открытие. Тело, наверно, повезут самолетом в Москву.

– Бабки вложены, люди собрались. Так что все пойдет по намеченному плану. Почтят минутой молчания, скажут пару красивых слов. Сейчас ни у кого нет времени застыть в скорби – потом протрешь глаза, а тебя самого уже свезли на свалку...

– ...Сколько нас еще продержат? Это называется я забежал с работы выпить чашку кофе.

– Позвонил бы, предупредил.

– Уже звонил и домой, и начальнику. Говорят – у тебя талант: кто-то утянет сыр, а ты попадешь в мышеловку.

– Может перепишут всех поголовно и начнут выпускать.

– Меня уже два часа назад переписали. Даже щелкнули фотоаппаратом, потому что паспорта с собой не оказалось...

«Неужели прошлое не умерло? – спрашивал себя Каллистратов. – Или это просто случайное совпадение? Может быть «масонами» ради шутки называет себя когда-нибудь банда тривиальных рэкетиров?»

– Надо найти того парня, – вдруг решил Мигунов. – Ведь перед ним стояла единственная задача – отваживать тех, кто ломится к шефу. Может быть он очухался и что-нибудь вспомнил?

Глава третья. Слишком близкие подруги

Газетчик как в воду глядел. Юношу в малиновом пиджаке они разыскали в туалете – повернувшись спиной к зеркалам, тот курил сигарету за сигаретой.

– Ты выглядишь гораздо лучше, – попробовал ободрить его Мигунов.

Парень бросил окурочек себе под ноги на выложенный плиткой до блеска надраенный пол.

– Только не задавайте мне больше вопросов, – он прижал кончики пальцев к виску.

– Мне тут пришла в голову одна мысль, – заметил Мигунов. – Давно ты работаешь у Альтшуллера? Верней работал.

– Полгода. Мальчиком на побегушках.

– То есть ты выполнял самые разные поручения? Так я и думал... Понимаешь, я почти уверен что ты видел убийцу. Но тебе не пришло в голову его остановить так как ты остановил нас. Для тебя и для Альтшуллера тоже его появление было само собой разумеющимся. Поэтому ты искренне забыл о нем, когда отвечал следователю.

– Убирайтесь к черту! – не выдержал молодой человек, – вы все меня уже достали!

Мигунов пропустил его вопль мимо ушей:

– Подумай как следует. Убийца ведь тоже тебя видел – он прекрасно знает, что рано или поздно ты все вспомнишь. Если он еще несколько дней останется на свободе, за твою жизнь никто и ломаного гроша не даст.

– Поймите, я никого не видел. Он сказал, что хочет отдохнуть и приказал никого не пропускать – только Джека Николсона, если он вздумает приехать...

– Счастливый человек: шутить на пороге смерти – это дар судьбы.

– После этого я не отлучался ни разу. Никто не входил... только горничная. Она сказала, что ей нужно поставить чистую пепельницу и сменить разбитый стакан.

– А стакан действительно был разбит? – быстро спросил Олег.

– Да. Григорий Евсеевич заметил это как только мы приехали. И высказал свое неудовольствие дежурной по этажу.

– Главное – лицо. Ты запомнил лицо горничной?

Молодой человек выронил очередную сигарету, которую не успел еще поднести ко рту.

– Не оставляйте меня одного, прошу вас. Она меня прикончит. Точно так же как его. Надо заявить как можно быстрее, как можно быстрее.

– Спокойно. Прежде всего надо вспомнить приметы.

– Сейчас... Темные гладкие волосы, кожа бледная.

– Все не то. Что-нибудь характерное, понимаешь?

– Не могу, не получается, – молодой человек морщился от напрасных усилий и ходил из угла в угол, оттопырив руками карманы малинового пиджака.

Человек в шортах, забежавший в туалет по срочной необходимости, взглянул на него с недоумением.

– Мне не пришло в голову присматриваться к ней, – незадачливый сотрудник Альтшуллера перешел на шепот.

– Сосредоточься. Ты смотрел ей в лицо.

– Бледная кожа, – повторил юноша. – Еще проскользнула мысль, что ей следовало бы подругмянить щеки.

– Туалет не слишком удачное место. Безопаснее держаться возле людей. Пойду разузнаю осторожно насчет горничной, а вы оба ждите меня в кафе.

В Каллистратове заговорил тот самый охотничий инстинкт, который заставлял его лихорадочно пробегать взглядом страницы, часами всматриваться в лица на старых фотоснимках.

Почти месяц он неотступно преследовал директора Исторического музея, пока тот не согласился пустить его в запасники – своими руками пощупать масонские регалии прошлого века.

Он и сейчас отчетливо помнил запах и фактуру кожи, из которой были сшиты все эти фартуки и перчатки, переливчатую ткань орденских лент. Если это в самом деле масоны, то дух останется прежним даже столетие спустя, и он узнает его в первой же мелкой детали. Только не терять времени.

Администраторшу Олег разыскал в фойе – ее осаждали решительно настроенные люди. Требовали вернуть деньги, уплаченные вперед за проживание. Многие из постояльцев явно не желали оставаться в гостинице, где произошло убийство. Администраторша не пыталась никого переубедить и отправляла одного за другим в кассу.

– Прошу прощения, выяснились некоторые обстоятельства, – Каллистратов мягко взял ее за локоть и отвел в сторону.

Этот человек иногда умел быть любезным.

– Вы случайно не брали на работу новую горничную?

– Взяли одну буквально позавчера. Поставили на десятый этаж на испытательный срок.

– Держу пари, что у нее нездоровый цвет лица.

– Верно. Зато в остальном – пока никаких претензий.

– Ее кто-то рекомендовал?

– Особых рекомендаций не было. Одна из наших работниц сломала ногу и нам срочно понадобился человек на замену. Эта согласилась трудоустроиться временно.

– Так сейчас ее смена?

– Да. Она должна быть на рабочем месте. У следствия какие-то подозрения? Давайте я позвоню дежурной по этажу.

Олег не стал возражать, он был уверен, что горничной давно нет на месте. Так оно и оказалось – дежурная по этажу сразу стала жаловаться на новенькую:

– Не знаю куда она задевалась. Работы выше головы, а она шляется неизвестно где.

* * *

Даже у преуспевающего во всех отношениях человека иногда находится повод чувствовать себя несчастным. Для президента столичного банка «Олимпия» Георгия Хаджиева таким поводом была дочь.

Во всем остальном обстоятельства складывались как нельзя лучше: гастрит уже давно не давал о себе знать, жена круглый год пропадала на итальянских курортах и больше не совала нос в его дела, банк успешно выдержал всестороннюю аудиторскую проверку и продолжал набирать обороты, выходя в первую десятку по России. Но вот Зиба беспокоила все больше и больше.

В детстве он поощрял ее мальчишеские замашки: брал с собой на рыбную ловлю, обучал простейшим приемам самообороны. Никогда не ругал за ссадины, синяки, только заставлял саму отстирывать грязь на одежде.

Юбок Зиба не признавала, носила только джинсы, свитер и кожаную куртку. Ей не приходило в голову пользоваться помадой, делать маникюр. В восемнадцать лет она приволокла домой спортивный тренажер и стала с маниакальной настойчивостью качать мускулы.

Почувяв неладное, Хаджиев стал покупать ей украшения, дорогие духи, платья из магазинов высокой моды. Зиба благодарила, долго, с холодным интересом рассматривала вещь. Через некоторое время Хаджиев замечал свой подарок на одной из ее подруг.

Все они были очаровательными – как мужчина он не мог этого не признать. Особенно Вероника, которая появилась впервые на дне рождения и очень скоро напроочь вытеснила

остальных. Она всегда умело подчеркивала свои достоинства: длинные ноги безукоризненной формы, шелковистую кожу.

Несколько раз президент «Олимпиады» оказывался свидетелем невидимого, но явственного тока между двумя молодыми красивыми существами. Он хотел поговорить с дочерью, но не представлял с чего начать. Спросить, почему рядом с ней не видно парней? Почему она не ценит отцовские подарки?

Как-то, разбирая почту, Хаджиев обнаружил яркий молодежный журнал в запечатанном конверте. Пролистал его, сидя у себя в кабинете. Много рекламы: модная одежда, мотоциклы, прохладительные напитки. Новые рок-альбомы, хроника светской жизни голливудских звезд и европейских коронованных особ.

Банкир собрался уже отшвырнуть журнал в сторону, когда с глянцевого страницы вдруг уперлись в него до ужаса знакомые глаза. Зибя в джинсах и кожаной безрукавке сидела, развалившись на диване с высокой спинкой и держала на коленях свою нежную подругу.

Если бы Хаджиев не имел к девушкам никакого отношения, он оценил бы контраст. Темный ежик и вьющиеся каштановые волосы, черная кожа безрукавки и полупрозрачная ткань с затейливым блеклым узором. Ботинки со шнуровкой, на толстой подошве и босые ноги с нежными, незагрубелыми пятками.

Хаджиев выдрал страницу. Поднял двумя пальцами и щелкнул зажигалкой. По глянцевому листу быстро поползла чернота, он морщился, съеживался, распадался на части. Предупредив секретаршу, что сегодня он больше не появится, президент вышел из кабинета.

Он так гнал машину, что трижды пришлось кинуть по сто долларов гаишникам. Последний нагло запросил сто пятьдесят, но Хаджиев только взглянул сурово и ограничился сотней. Он знал, что на сей раз не успокоится, пока не разыщет Зибу, где бы она сейчас не находилась: на занятиях, в гостях или в элитарном кафе, куда допускалась только публика из узкого круга.

Первым делом он заехал домой. Внутренний голос порекомендовал войти тихо. Осторожно притворив за собой дверь, Хаджиев первым делом обратил внимание на вешалку – Зибя была дома и не одна. Хозяин дома оставил кейс в прихожей и направился по коридору к комнате дочери, откуда доносились сдавленные стоны.

На ковре с длинным ворсом сплелись два обнаженных женских тела. Голова росла из живота, ноги свешивались с плеч, пальцы крепко сцепились друг с другом. На низеньком журнальном столике стояли две недопитых рюмки и пузатая бутылка ликера. Жалюзи смягчали яркий солнечный свет, сброшенная одежда валялась где попало.

Хаджиев медленно вышел из квартиры. Очутившись на улице, сел в свой новенький, еще и трехсот километров не набежавший «Вольво». Метров через триста притормозил у тротуара. Закрыв глаза и попытался собраться с мыслями.

* * *

Милиция дважды прочесала все здание, но горничную так и не нашли.

– Покажите листок по учету кадров. Там должна быть ее фотография.

В сейфе листка не оказалось.

– Он здесь был – это совершенно точно, – растерянно обернулась администраторша.

– Проверьте, может быть что-нибудь еще пропало из документов.

Все остальное осталось на месте.

– Я еще удивилась, что у нее говор странный, не сочинский, – припомнила администраторша. Потом подумала: мало ли что – за последние десять лет столько людей с места сдвинулось.

– Чем она занималась как горничная? – спросил следователь.

– Мыла, пылесосила, меняла постельное белье, вытряхивала мусорные корзины в полиэтиленовый мешок.

– Проверьте все к чему она могла прикасаться во время работы. Ведра, эти самые мусорные корзины и прочее, – приказал следователь эксперту.

– Извините, что вмешиваюсь, но у нас все уборщицы работают в резиновых перчатках.

Появилась московская бригада. Вместе с сочинскими милиционерами по третьему разу облазили гостиницу. Молодой человек в малиновом пиджаке вспомнил, что горничная наведалась в номер минут за двадцать до того, как обнаружился труп.

– Что же вы хотите? – развели руками москвичи. – За это время можно было добраться хоть до вокзала.

Около полуночи тем, кто не проживал в гостинице, разрешили ее покинуть. Некоторые опасались путешествовать по ночному городу – их развезли двумя милицейскими машинами. Мимоходом обнаруженных проституток отвезли в участок – хоть какой-то результат работы.

Мигунов с Каллистратовым решили оплатить проживание за сутки – слишком поздно искать в курортном городе другое жилье. Перед тем как лечь спать, корреспондент «Вечерних новостей» еще раз связался с дежурным по московской редакции, чтобы передать последнюю за день порцию материала.

Глава четвертая. Легенда о Хираме Абиффе

- Как ты смотришь на то, чтобы поужинать в ресторане? – спросил Хаджиев.
- Можно, – Зибя пожала плечами и посмотрела на отца испытующим взглядом.
- Поедем за город, в «Дом охотника».

Она давно не видела его таким оживленным. Прямо из машины Хаджиев позвонил в ресторан, заказал места.

- А блюдо можно выбрать?
- Конечно. Жаркое из лосятины на двоих, – заявил он в трубку.

«Дом охотника» вполне соответствовал своему названию. Это было небольшое двухэтажное строение под черепичной крышей. Сюда, в глубь соснового бора от магистрального шоссе специально проложили дорогу с очень приличным покрытием.

Машина вкатилась в подземный гараж, где уже дожидались хозяев новенькие, начищенные до блеска лимузины. Отсюда винтовая лестница вела наверх.

Все два с лишним десятка мест были уже заняты, только один столик с табличкой «занято» пустовал. Пахло жареным на углях мясом, на бревенчатых стенах тут и там красовались рога, кабаньи и медвежьи морды, старинные охотничьи винтовки с инкрустированными прикладами. В камине пылали дрова.

- Уютно, правда? Не надо перекрикивать музыку. Есть еще пристройка с финской баней.
- Маловато женщин, – огляделась вокруг Зибя.

– Сюда шлюх не возят. Сейчас сезон еще не начался. Обычно сюда навещают после охоты, с трофеями.

- Так ты тоже решил заделаться охотником? Вот откуда в твоей комнате винчестер.
- Разглядела все-таки.
- Еще бы. Он в таком красивом чехле.

– Это тебе подарок на день рождения. Хотел сделать сюрприз, но, как видишь, не удержался.

– Я здорово тронута. Ты лучший отец на свете. Насколько я знаю, нужны какие-то бумажки, чтобы легально им пользоваться.

- Бумаги в порядке.
- Тогда дело только за компанией. Знакомых охотников у меня нет.
- Могу подкинуть одного. Видишь парня за тем столом?

Зибя стряхнула пепел с сигареты и прищурилась.

- Тот темноволосый, в белой рубашке.

Парень как раз рассмеялся шутке соседа и густые волосы до плеч качнулись, скользнув волной по воротнику. На крепкой шее блеснула тонюсенькая цепочка. Он уверенно упирался локтями в стол, даже в сидячем положении просматривалась мощная фигура.

- Ты никогда раньше не навязывал мне друзей, – удивилась Зибя.
- Это твой будущий муж, – спокойно произнес Хаджиев.

На несколько секунд за столом воцарилось молчание. Зибя медленно дожевала кусок поджаренного с кровью мяса.

- Странные у тебя шуточки.
- Я вполне серьезно. Тебе сейчас двадцать один, твоя мать вышла замуж в девятнадцать.
- Мы здорово поспоримся, если ты станешь развивать эту тему.
- Не настраивайся заранее против. Это сын моего компаньона, погибшего три года назад.

Тогда у «Боинга» через минуту после взлета загорелся один из двигателей. Летчики пытались посадить самолет, но он рухнул прямо на взлетную полосу.

– При всем уважении к твоему компаньону эти живописные подробности сейчас мало меня интересуют.

– Если хочешь, можно обойтись и без них.

– Как тебе могло прийти такое в голову? – искренне негодовала Зиба. – Никто и никогда не будет мною распоряжаться.

Она была не то чтобы растерянна, но сбита с толку и не могла подобрать подходящих слов, чтобы выразить всю меру своего возмущения.

– Слушай внимательно, – Хаджиев наклонился к дочери через стол. – Завтра, в худшем случае послезавтра тебя втолкнут в обычную патрульную машину. Привезут в отделение. При обыске найдут героин, в пересчете больше, чем пятьдесят доз. По закону этого достаточно, чтобы подвести человека под статью о распространении.

Зиба презрительно усмехнулась:

– Не ожидала от тебя такой дешевки.

– Не веришь? Конечно – какой любящий отец своими руками запрячет дочь за решетку? Но я сумею через это переступить. Ты больше не будешь позорить меня на весь свет – дрянь, извращенка.

– Мой арест тебя тоже не прославит, – холодно заметила дочь.

– Тебя засадят под другой фамилией.

– Значит, весь сыр-бор из-за снимка в журнале? Извини, но это реакция закомплексованного человека. Где ты там разглядел криминал?

– Зато ты у нас без комплексов. Среди бела дня занимаешься любовью с подружкой.

– Шпионил за мной, подглядывал? – Зиба вскочила из-за стола.

– Успокойся, в этом не было никакой необходимости. Ты не очень-то старалась скрываться.

Она подумала и села на место, заложив большие пальцы обеих рук за широкий ремень.

– Ладно. Поговорим начистоту. То, что ты считаешь извращением, для меня так же естественно, как дышать воздухом. Почему ты забеспокоился только сейчас? Почему не поднимал тревогу, когда я разбивала чужие носы, не признавала юбок? Я буду спать с женщинами, потому что мне этого хочется. Даже в зоне. Уверяю тебя – я там буду пользоваться колоссальным успехом.

* * *

Олег отсоветовал Мигунову упоминать масонов в статье об убийстве на черноморском курорте. В Москве, на третий день после похорон Альтшуллера он наведился к его вдове. Полная женщина с воспаленными глазами, с крупными родинками на щеках и подбородке сперва не хотела разговаривать о покойном с незнакомым молодым человеком.

Каллистратов решил испробовать последний аргумент:

– Вы заинтересованы в том, чтобы покарать убийц вашего мужа? Всех: как исполнителей, так и заказчиков? Гарантирую – милиция будет мусолить дело года два, а потом благополучно сдаст в архив. Примеров достаточно: убийства Талькова, священника Меня, Холодова, Листьева. Я перечислил только громкие дела, которые давно на виду. А сотни других нераскрытых убийств, где жертвами оказывались не столь заметные фигуры?

– Вы же дилетант. Кроме благих намерений нужен еще профессиональный опыт.

– До профессионалов дело еще дойдет. А пока я хотел бы все-таки получить ответ на свой вопрос.

– Я устала. Никому больше не верю в этой стране.

Каллистратов терпеливо ждал.

– Не угрожал ему никто – со мной бы он обязательно поделился, – тяжело вздохнула вдова, уставившись на собственные руки с большими распухшими суставами...

Дома Каллистратов стал разбирать свои выписки. Срок, отпущенный издателем, давно прошел. Костя Квашнин уже не звонил, не интересовался как идут дела – наверно, передал заказ кому-нибудь другому или вообще отказался от идеи. Олег уже не отдавал себе отчета, зачем он тратит столько времени на кропотливый труд, конца которому не видно.

Книга не давала дохода, а наоборот – поглощала деньги. Приходилось платить за ксерокопирование, покупать шоколадки сотрудницам отдела редких книг, которые рылись ради него в своих неупорядоченных хранилищах. Но все эти траты выглядели мизерными по сравнению с покупкой компьютера. Конечно, он не был оснащен модными «накрутками» вроде семнадцатидюймового монитора, видеокарты, звукового кристалла «Ямаха», двенадцатискоростного накопителя на компакт-дисках, но все равно тянул на шестьсот долларов.

Пришлось продать кое-что из мебели и одолжить денег у бывшего шефа – главного редактора «Вечерних новостей». Олегу «вкатили» на винчестер «Windows 95» и текстовый редактор «Word». Впервые увидев у себя в комнате разноцветный флажок заставки, он так воодушевился, что не ложился всю ночь, перенося текст с бумажных листочков на невидимые скрижали файлов.

Теперь он получил возможность сортировать информацию самыми разными способами: по локам, странам, эпохам. Вносить исправления, добавки, примечания, выстраивать события в хронологическом порядке. Создавать ветвящееся дерево каталогов и с легкостью путешествовать по нему.

Дерево на экране, растущее сверху вниз стало для него зримым символом масонства. Эта разветвленная организация никогда не знала ни сословных, ни имущественных, ни национальных ограничений. Она росла вглубь, опасаясь солнечного света, хотя провозглашала идеалы всеобщего братства, просвещения, любви.

Пароли, клятвенные обещания сохранить тайну, мрачные обряды, постоянные напоминания собратьям о мести, которая должна свершиться, – все это изредка просачивалось на поверхность, вызывая преследования, запреты, отлучения от церкви.

Впервые с открытым обличением франкмасонства выступил римский папа Климент XII в 1738 году. Он повелел отлучать от церкви всех католиков, прошедших обряд посвящения в члены братства. Но анафемы не пугали масонов, они не признавали иных авторитетов, кроме собственной доктрины, считая свой орден гораздо более древним, чем Ватиканский престол.

В файл под названием «Хирам Абиэфф» Каллистратов занес масонскую легенду об основании ордена:

После изгнания из рая Адам сохранил память о высших божественных познаниях и передал ее своим потомкам в виде символов. Одним из избранных был великий царь Соломон. Задумав построить Храм Богу, он заключил договор с владыкой Тира, по которому тот обязался предоставить целую армию каменщиков и плотников. Главный мастер Хирам Абиэфф разделил работников на три степени: учеников, подмастерьев и мастеров. Каждой из них были присвоены отличительные знаки, слова и правила.

Мастера получали высшую плату, поэтому однажды три дерзких ремесленника самого низшего ранга решили силой заставить Хирана Абиэффа сообщить им мастерское слово. Зная, что он каждый вечер приходит к незавершенному алтарю Храма, чтобы совершить молитву, они решили его подстеречь.

Сперва Хирам направился к южным воротам Храма, где лицом к лицу столкнулся с человеком, вооруженным линейкой длиной в двадцать четыре дюйма. Когда мастер отказался сообщить секретное слово, тот ранил его в горло. Хирам повернул к западным воротам, где получил удар угольником в грудь. Шатаясь, он с трудом добрал до восточных ворот, где погиб от удара молотком по голове.

В другом варианте легенды у южных ворот Абиффа ударили молотком, у северных – киркой. Предвидя свою гибель, он бросил золотой треугольник с начертанием тайного имени Бога в колодец. Тогда, у восточных ворот, он получил смертельную рану от циркуля.

Чтобы скрыть свое преступление, убийцы похоронили Абиффа в наспех вырытой могиле. Узнав о гибели своего помощника, Соломон глубоко опечалился и повелел найти тело Великого мастера. В знак своей невинности рабочие явились в белых перчатках.

Тело быстро отыскивали по рыхлой земле. Зазеленела ветка акации, которой убийцы отметили место погребения, чтобы потом перенести тело в более надежное место. Испугавшись, что древнее мастерское слово сделалось известным, мастера решили заменить его первым, произнесенным при открытии тела. При виде разлагающегося трупа раздалось слова: «Плоть отделяется от костей». Оно и было принято за пароль мастерской степени...

– Сказки для младшего возраста, – резюмировала Алла, глядя на экран через его плечо.

– Как ни странно, но такая сказка включает сердцевину вещей. В тайной доктрине масонов Хирам Абифф или Адонирам считался великим мучеником. Его участь напоминала о том, насколько важна для братьев клятва сохранять тайну.

– Признайся, что ты просто купил себе красивую игрушку и теперь создаешь видимость дела.

– А вот теперь послушай как легенда трансформируется в обряд, – Калистратов стал считать прямо с экрана. – При приеме в мастерскую степень вся ложа драпируется черной тканью. На стенах – черепа и кости с надписью «помни смерть», на полу черный ковер с вышитыми золотом слезами. Посреди ковра открытый гроб. Светильники поддерживаются тремя человеческими скелетами. По правую сторону от жертвенника на искусственной земляной насыпи сверкает золотая ветвь акации. Все братья одеты в черные камзолы и круглые шляпы с опущенными полями.

Обряд посвящения изображает убийство легендарного Мастера, причем посвящаемый должен играть его роль. Тремя ударами молотка председательствующий повергает его в гроб. Здесь его накрывают красной, словно окровавленной тканью, на сердце возлагается золотой треугольник.

В ритуале записано: «Символы мастерской степени представляют под покровами смерти будущую жизнь. Смятение должно возродить падшие духовные силы. Кто сей Адонирам? Не есть ли это некое существо, сокрытое в человеке, которое стремится лишь к вечному. Но умолкает под ударами трех злодеев: гордости, корыстолюбия и разврата».

– Что-то вроде «давайте жить дружно», – заметила Алла. – Интересно только, откуда они доставали скелеты?

– Не все так просто – положение в гроб означало еще и отречение от своей личности, подчинение своей жизни интересам Ордена. Взамен посвященный получал власть над ложей. Теперь он мог управлять «вольными каменщиками» точно так же, как Хирам Абифф управлял строителями Храма.

Глава пятая. На пепелище

После очередной вечеринки возлюбленную Зибы подвезли к дому на ярком спортивного стиля автомобиле. Помахав друзьям узкой ладонью, она вошла в подъезд, распространяя запах дорогих французских духов и сигарет с ментолом. Вызвала лифт и стала ждать пока он сползет сверху.

Она подустала за день: веки отяжелели, голова клонилась набок. В который раз белокурая красавица мысленно возвращалась к своим отношениям с Зибой, чувствуя что стоит на распутье и надо что-то решать.

Либо все останется скандальным приключением, пустившим переливчатый шлейф сплетен, подогревшим «общественный» интерес. Либо перейдет в долговременную связь, из которой трудно будет выбраться без потерь.

Пока их отношения воспринимались как оригинальная и шокирующая игра. Но как только окружающие почувствуют, что это серьезно, они станут относиться к ней с долей брезгливого сочувствия.

Хуже всего то, что Зиба втягивается все больше и больше. Слишком вошла в роль – требует чуть ли не ежедневных встреч, ревнует к общим знакомым, делает дорогие подарки. Нужно скрыться на месяц куда-нибудь на курорт, не посвящая никого в свои планы, иначе Зиба разузнает и примчится.

В подъезд зашел ничем не примечательный человек с аккуратным пробором, остановился в почтительном отдалении, ожидая лифта. Утонченной блондинкой в мини-юбке он совершенно не заинтересовался – достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку и принялся листать страницы, шевеля губами.

Наконец, двери лифта разъехались в стороны, приглашая в тускло освещенную кабину. Девушка вошла первой и, обернувшись, увидела как невзрачный человек с аккуратным пробором на ходу прячет записную книжку обратно.

Он дождался пока дверцы закроются и спросил:

– Какой этаж?

Чем-то он сразу ей не понравился – своей расслабленностью, своим безразличием. Безликая амеба.

– Девятый.

– А мне третий, – сказал он со странным удовлетворением.

«Мог бы давно пешком подняться», – подумала девушка.

Вдруг человек цепко схватил ее за плечо и плеснул в лицо густой жидкостью из флакона с широким горлышком. От страшной боли она осела на пол. С лица словно сдирали кожу. Что-то потрескивало, испуская пар.

С громким стоном она провалилась в светящуюся пучину обморока. Не видела как попутчик вышел на третьем этаже, бросив плоский флакон с соляной кислотой в зазор между полом кабины и лестничной площадкой.

* * *

Впервые гражданин Великобритании Евгений Белозерский приехал в Россию на пятьдесят втором году жизни. Тогда страна еще называлась Советским Союзом, и на первой волне перестройки власти разрешили созвать конгресс соотечественников из-за рубежа.

Многие из собравшихся уже не чаяли увидеть родину: купола церквей, летние грозы, уцелевшие улочки старой Москвы. Мало у кого остались детские воспоминания, почти все

знали Россию только по рассказам родных. Теперь каждый получил возможность сравнить свои фантазии и сны с реальностью.

Впрочем, им не оставляли много свободного времени – советская тяга к обязательным мероприятиям была еще жива. Ежедневные заседания по шесть часов, экскурсии на кондитерскую фабрику и ЗИЛ, прием в ЦК КПСС и Троице-Сергиевской лавре, прогулка по Москве-реке в сопровождении ансамбля народных инструментов.

Во второй раз Белозерский приехал уже по частному приглашению. В своем лондонском доме он собрал большую коллекцию современной живописи и теперь хотел пополнить ее произведениями русских художников. Он перезнакомился со многими людьми, пересмотрел множество картин – в прокуренных полуподвальных помещениях, на тротуаре старого Арбата, в просторных выставочных залах, где у авторов спрашивали автографы.

Художники – что бритые, что бородатые – были чрезвычайно интересными собеседниками, высказывали глубоко философские мысли о живописи в прошлом и будущем. Но их работы представляли собой всего лишь копии западного авангарда двадцатилетней давности.

Все-таки гостю удалось откопать подлинно оригинальные по композиции и колориту вещи – как крупинки золота в пустой породе. Сначала таможня наотрез отказалась выпускать полотна за рубеж, но, разглядев, что Белозерский везет только современную живопись, удовлетворилась взяткой в пятьсот долларов.

Только в третий свой приезд потомок сиятельнейшего князя Российской империи решился навеститься в Крапивино, бывшее имение своих предков. Если судить по рассказам отца, здесь находился большой трехэтажный дом с белыми колоннами и флигелем, конюшня для породистых рысаков и множество других жилых и хозяйственных построек.

Мальчик Женя часами перебирал уцелевшие фотографии где фигурировали панамы, теннисные ракетки, удочки, корзинки с грибами, запряженная лошадьми повозка и велосипед. Автору снимков – а это был брат отца – не приходило в голову, что каменную громаду дома тоже важно запечатлеть, что она только кажется непоколебимой и вечной.

Он старался зафиксировать сиюминутное: детскую улыбку, солнечные блики на траве рядом с едой, разложенной на походной скатерти, круги на воде озера от плеснувшей хвостом рыбы, порыв ветра, который вынуждал дам придерживать широкие поля своих шляп.

Тогдашняя техника фотографии была еще несовершенной – быстрое движение почти всегда смазывало очертания. Большой детский мяч превращался в расплывчатую полосу, лошадиный хвост – в веер. От дома попадались только фрагменты: угол стены, растворенное окно, ступени лестницы, ведущие к парадному входу.

Однажды отец забрал у Жени снимок, положил на большой лист белой бумаги и быстро карандашом набросал то, что осталось за кадром: кусты роз возле изгороди и приоткрытую дверь между колонн.

– А веранда? – крикнул восхищенный мальчик.

Но грифель неожиданно сломался и отец, ничего не говоря, вышел из комнаты.

Теперь, спустя сорок лет, Белозерский подъезжал к знакомым, но не виданным ни разу местам на пригородной электричке. Вагон заполнили дачники с помидорной рассадой и свежими газетами. Напротив сражались в подкидного. Вдоль по проходу постоянно кто-то двигался – то сумрачные контролеры, то нищий с куском картона на груди, где крупными печатными буквами было написано обращение о помощи, то продавец мороженого с тяжелой сумкой. Солнце то и дело мигало, просвечивая сквозь листву.

Сойдя на станции, Белозерский уверенно направился вперед – он отлично запомнил дорогу по рассказам отца. Следом увязалась бродячая собака – он не стал ее отгонять.

Проехал навстречу мужик на колесном тракторе с прицепом – повез кому-то необрезную доску. Пробежали шумной стайкой дети.

Вот она, кленовая аллея, о которой говорил отец. Только одно дерево уцелело, остальные спилили у самого основания. Судя по всему это случилось давно – пни потемнели, кое-где просто рассыпались в труху. Уцелевший клен тоже высох, торчали одни голые сучья без единого зеленого листа. Кто уничтожил деревья, чего ради?

Дом должен был стоять в конце аллеи. Но там начинались буйные заросли крапивы. Против собственной воли Белозерского подталкивало вперед, как человека, различившего на трупе посреди дороги знакомую одежду. Он ускорил шаги.

В зарослях виднелся фундамент, валялись отдельные кирпичи. Белозерский присел на корточках, приподнял один из кирпичей руками – тяжелый для своего объема, он сохранил с одной из сторон остатки штукатурки. Рядом валялась разбитая бутылка с облезлой этикеткой, оболочка от вареной колбасы. Собака стала тыкаться мордой, озабоченно принюхиваясь.

Поднявшись, гость двинулся в обратный путь. На середине дороги до станции он заметил, что пальцы обеих рук крепко сжаты в кулаки. Так крепко, что костяшки побелели. Попробовал разжать – ничего не получилось. С размаху ударил кулаком по ближайшему стволу, но только заработал ссадину.

Пальцы не разжимались. На одном из них красовался перстень с теми же четырьмя странными буквами, которые Максим Левченко не смог прочесть на уцелевшем в пожаре мастерке.

* * *

После безуспешного разговора со вдовой Альтшуллера Олег с удвоенным рвением принялся за работу. Еще немного и все материалы будут продублированы на винчестере и дискете.

Запечатанную коробочку с пятью дискетами он приобрел не где-нибудь на толчке, а в магазине от фирмы «Басф». И все равно мучился сомнениями – что если на одной из этих якобы отформатированных дискет обитает вирус? Она угробит все плоды ночных трудов, разрушит систему, где каждая частичка информации встроена на свое место.

Конечно, можно купить дискету с программами-антивирусами, но где гарантия, что она сама не заражена? Тем более новые вирусы появляются чуть ли не каждую неделю, и программы их обнаружения и лечения нужно регулярно обновлять.

Скрепя сердце, Каллистратов все-таки выбрал из пяти чистых дискет одну и решил работать пока только с ней – благо текстовая информация занимает мало места и на дискете уместится до тысячи стандартных страниц.

В конце недели позвонил Мигунов:

– Тебя еще не вызывали для дачи показаний?

– Честно говоря я последнее время не заглядывал в почтовый ящик. Может быть туда уже кинули повторную повестку.

– Вряд ли. Меня тоже пока не дергают. Похоже следственная бригада еще не вернулась – загорают в Сочи.

– Взял в киоске номер с твоей статьей. Сделано профессионально, – Каллистратов решил, что Мигунов ждет отзыва.

– Обычное дело, – энергичного корреспондента «Вечерки» явно не мучили сомнения в собственном мастерстве. – Последние новости: нас тут в редакции подключили к «Интернету». Один из ребят-программистов показывал, как ориентироваться в этих «виртуальных» джунглях. Это словечко уже лет десять держится в моде, а я только теперь толком почувствовал, что оно значит – непростительно... Провел нас по апартаментам Шарон Стоун, показал, как выбраться на странички последних новостей Ассошиэйтед пресс и Рейтер. Поиграли вместе со случайными партнерами-американцами в «воздушный бой».

– Молодцы, – вяло заметил Каллистратов.

– К чему я все это тебе говорю. Сейчас уже дураку ясно: за «Интернетом» будущее в системе глобальных коммуникаций. Поэтому приверженцы всех идеологий там прочно обосновались. Особенно идеологий теневого и запрещенного, которые лишены доступа на телевидение. Дело объясняется просто – в «Интернете» в принципе невозможна цензура. Программист, который нас подключал, показывал интересные адреса. Есть сборники речей Гитлера, иллюстрированные документальными фотографиями и в самых ярких отрывках озвученные подлинным голосом фюрера. Есть любовно оформленное собрание сочинений Мао Цзедун на испанском языке – надо полагать переводчики из «Сендеро Луминосо» поработали. Есть куча детальных инструкций по сатанинским обрядам, по технологии изготовления самых разных наркотиков. Проповеди какого-то аятоллы, материалы Древнего и Мистического Ордена Розы и Креста. Ты знал, например, что у розенкрейцеров в наши дни есть огромный парк в Калифорнии, который занимает целый квартал города Сан-Хосе? С Египетским музеем, планетарием, конференц-залом и учебным комплексом, который технически оборудован в сто раз лучше, чем МГУ. А я видел все это своими глазами.

Мигунов еле заставил себя остановиться. Точно так же, наверно, конкистадор Кортеса, вернувшись на родину, мог без усталости рассказывать о сокровищах ацтеков, о красочном мире непроходимых лесов, огромных попугаев и величественных храмов.

– К моей теме это не имеет отношения. Ты забыл, что масоны никогда не стремились пропагандировать свои взгляды, увеличивать число сторонников. Наоборот, боялись этого пущего огня. Поэтому прием в ложу проходил так непросто. Для того, чтобы использовать толпы, нет никакой необходимости посвящать их в свою идеологию – по крайней мере так всегда считали масоны. Есть идеологии, специально созданные для масс, которые можно свести к нескольким простым и понятным формулам: коммунизм, фашизм, ислам, даже христианство. А масоны специально все усложняли до предела, чтобы отгородиться от толпы. Им не нужны были парады, демонстрации, скандирующие толпы, фанатики-террористы, готовые пожертвовать собой. Стоя на вершине, они просто сталкивали нужный камешек, который рождает лавину.

– Я не утверждаю, что масоны пропагандируют свою веру через сеть. Но каким-то образом они ее используют. Надо порыскать там повнимательней, со знанием дела.

– Предлагаешь мне оформить подключение? Не потяну.

– Знаю. Хотя есть «провайдеры», у которых вполне божеская абонентская плата.

– Остается искать спонсоров, – в шутку заметил Олег.

Глава шестая. Ночной «Аквариум»

После несчастья, которое случилось с подругой, Зиба три дня безвылазно просидела в своей комнате, не поднимаясь с кресла. Ночь напролет горел свет, она сидела, глядя в одну точку на стене. Все тело застыло, как будто схваченное судорогой. В углах звучал несмолкающий пронзительный вой.

Чтобы дочь ничего не выкинула, Хаджиев оставил в квартире человека из службы безопасности банка. Сам он, появляясь поздно вечером, не входил к ней, не пытался завести разговор.

Конечно, он мог бы заплатить красотке, чтобы та исчезла раз и навсегда. Мог подкинуть парня, перед которым она бы не устояла, а потом их засняли бы скрытой камерой для Зибы. Но он выбрал другое – только сильнейший шок мог исправить положение.

Через три дня Зиба с трудом встала, напилась воды из крана на кухне, замочив подбородок и шею. Выкурила сигарету. Сделала себе два бутерброда со шпротами и кружками лимона. Съела, вытерла бледные губы салфеткой и вошла в кабинет отца.

– Кто этот человек? – начала она без предисловий, – где ты его откопал?

– Я же сказал – сын моего погибшего компаньона, – Хаджиев сразу понял, о ком идет речь. – Способный хлопец, я уже ввел его в правление.

Отец готов был сообщить ей, что жизнь подруги вне опасности, но дочь не задавала вопросов на эту тему.

– Я бы хотела с ним встретиться.

На следующий день желание Зибы было исполнено: Алексей – так звали парня – заехал за ней на своем «БМВ».

– Давно работаешь в банке? – Зиба надела темные очки и трудно было разобрать выражение ее лица.

– Скоро пять лет. Куда поедем?

– Лучше просто покатаемся. Не против?

– Давай.

– Что тебе сказал мой отец?

– Сказал, что тебе надо развлечься.

– Это точно. Значит ты готов исполнять все мои желания?

Алексей потрянул волосами и улыбнулся.

– Такого обязательства я не давал. Составить компанию.

– С тобой, наверно, проводили инструктаж?

– Мне сообщили как тебя зовут, сколько тебе лет. Предупредили, что надо быть готовым к любым неожиданностям. Пожалуй все.

– Можешь успокоиться, неожиданностей не будет. Поехали в «Аквариум».

Так назывался один из московских ночных клубов с высокой платой за вход. Здесь все имитировало аквариум: зеленоватый свет, причудливые растения. По стенам скользили хвостатые тени. Бесцветные воздушные шары самых разных размеров плавали над головами, имитируя пузырьки. Только на площадке для танцев пол оставили твердым и гладким, остальное было засыпано мелкой, перекатывающейся под ногами галькой. Хорошим тоном считалось снимать обувь у входа и ходить по гальке босиком.

– Бывал здесь когда-нибудь?

– Нет. Все время съедают работа и тренировки.

– За сегодняшний вечер ты наверно получишь двойной тариф.

Уверенно ступая по гальке, Зиба выбрала столик.

– Тебе бы тоже не мешало снять туфли. Так гораздо приятнее.

- А куда их деть? – Алексей огляделся по сторонам.
 - Отдаешь у входа и получаешь номерок.
 - Ладно, обойдусь как-нибудь.
 - Не хочешь возвращаться? Тебе, наверно, приказали не оставлять меня одну. А каким спортом ты у нас занимаешься, если не секрет?
 - Подводное плавание.
 - Замечательно. Ты здесь как раз в родной стихии.
 - Только вот народа слишком много. Под водой обычно меньше.
 - И у всех вредные привычки: курят, пьют, колются. Ты знаешь, что тут половина пубрики «под газом»?
 - Не похоже.
 - Это легкий наркотик. Специально для ночных клубов и дискотек. Можно взять прямо здесь по сходной цене, – Зибба испытующе взглянула на своего спутника.
 - Я никогда не стремился быть правильным. Другое дело – я верю, что самое лучшее лежит на самой верхотуре, куда никакой ковер-самолет тебя не перенесет. Надо карабкаться самому. А наркотики – слишком дешевый кайф: протяни руку и возьми.
- Танцевало около десятка пар. Всем хватало места и стильно одетая молодежь выламывалась кто как хотел. В зеленоватом освещении они походили на утопленников, которых шевелит сильное подводное течение.
- Понятно. Претендуешь на то, чтобы быть сильным человеком.
 - У каждого из нас есть свои амбиции.

* * *

Съестного в квартире почти не осталось. После тщательного осмотра Каллистратов обнаружил только черствый хлеб и пустую на две трети банку засахарившегося варенья. Вооружившись ножом и столовой ложкой, он стал понемногу отрезать хлеб и выковыривать варенье со дна. Компьютер перешел в ждущий режим и рисовал на экране вид звездного неба из окна летящего космолета. Приближаясь, звезды превращались в разноцветные флажки.

Разговор с Мигуновым никак не выходил из головы. В самом деле – при всей архаичности ритуалов масоны всегда очень чутко реагировали на новые веяния. Они никогда не агитировали вступать в ложи, но зато распространяли другие идеи, которые считали выгодными для своих интересов.

Их главной задачей было сменить в стране легитимный режим и привести к власти своих протеже. Взять, к примеру, три самые знаменитые революции: американскую, французскую и русскую.

С чего начались события в Америке? С собраний политических вольнодумцев в таверне «Зеленый дракон» на северной окраине Бостона. Но здесь же традиционно собирались члены масонской ложи святого Эндрю. Ее лидеры Ривер, Хэнкок и Уоррен были яркими сторонниками борьбы против британской короны. Масонами были Бенджамин Франклин, отправившийся в Париж за поддержкой французских братьев, и маркиз де Лафайет, который отплыл в Америку на собственном корабле и позже получил звание генерал-майора в Континентальной армии...

Олег ссыпал крошки в ладонь. Остановился на секунду, но не стал изображать картину отчаянной голодухи и лелеять жалость к самому себе – бросил крошки в мусорное ведро. Наполнил опустевшую банку водой, чтобы потом она легче отмылась.

...Джордж Вашингтон был избран Великим магистром Виргинской ложи и на самом известном своем портрете изображен в масонском фартуке, с орденом на груди в виде солнца,

заклученного между ножек циркуля. Подавляющее большинство его генералов были братьями по Ордену...

Скорое появление Аллы не предвиделось – в последний раз они сильно повздорили.

– Посмотри на себя – в кого ты превратился! – кричала она. – В гроб краше кладут! Он воображает, что пишет книгу. Дергает по странице отовсюду. Не такой уж творческий процесс, чтобы потерять всякое чувство реальности!

Тогда Олег не стал заглядывать в зеркало. Теперь он вспомнил разговор и зашел в ванную, чтобы вынести собственное беспристрастное мнение.

Конечно, Алла преувеличила, как всякая женщина, оскорбленная в лучших чувствах. Женщины всегда видят вещи или лучше, или хуже, чем они есть на самом деле. Лицо бледновато – это верно. Щетина. Щеки слегка впали, если приглядеться. Вот и все – ничего особенно страшного. Сейчас трехдневная щетина в моде.

Тем не менее, перед тем как выйти на улицу он тщательно побрился, даже сделал два легких пореза от усердия. Умыл лицо холодной водой, причесался. Решил для полного комплекта и зубы почистить. Тюбик давно лежал открытым, сверху паста засохла и, когда Олег резко надавил, выползла густым белым комом из нижнего конца.

...В канун Великой Французской революции многие масонские ложи были преобразованы в якобинские клубы, готовые начать восстание по приказу Центрального комитета. Робеспьер и Дантон, Мирабо и Шометт начинали свою политическую деятельность как масоны и только взойдя на трибуны, набросили на себя другие одежды...

С грехом пополам он закончил свой туалет. В отсутствие Аллы придется самому заботиться о пропитании. Первым делом присмотреть, что можно продать. У алкашей есть хотя бы пустые бутылки, а у него и с этим проблема. Что вообще сейчас можно быстро сбыть с рук? Кажется, какие-то барыги в подземных переходах скупают старые механические часы.

...А в России. Кем, как ни масонами, были Гучков, Керенский, Милуков. Эти корифеи оппозиции, явно, с думской трибуны и тайно – интригами, оголтелой пропагандой, деморализацией армии – раскачивали здание самодержавия. Временное правительство на девяносто процентов состояло из членов масонских лож...

Он продал часы, не торгуясь, и зашел в большой продуктовый магазин самообслуживания. Взял коляску, намереваясь запастись съестным по меньшей мере на неделю. Но быстро убедился, что с вырученной за часы суммой на запасы впрок рассчитывать не приходится. Да, слишком давно он не заглядывал в магазин – с тех пор, как Алла взяла продовольственное обеспечение на себя.

Каллистратов стал мучительно соображать – на чем бы сэкономить, но в этот момент его отвлекли – смуглый человек с длинными не по моде бакенбардами дотронулся сзади до его плеча.

Глава седьмая. Не стоит злоупотреблять гостеприимством

Дело о пожаре в доме на Никольской было закрыто. Написав официальную докладную, Левченко получил его для ознакомления. В показаниях жильцов не содержалось ровным счетом ничего интересного. Чтобы получить ответы, надо задать вопросы. А все вопросы ограничивались непосредственными обстоятельствами взрыва.

Левченко нюхом чувствовал – не все так просто с этой квартирой на четырнадцатом этаже. Решил, не оповещая начальство, выкроить время и подскочить на место событий.

Квартира, где был найден любопытный мастерок, стояла запертая.

– Через неделю была как новенькая, – мрачно сообщили соседи, еще не разобравшие до конца обгорелые останки мебели и вещей. Они совсем не жаждали общаться с представителем ФСБ.

– Строительная фирма уже выплатила штраф по суду, а мы никак не можем снять деньги со счета в банке. Что за кретинизм? – желчно сообщил мужчина.

– А вы зачем здесь, собственно говоря? Дело закрыто, – сказала женщина, которая не переступала через порог сгоревшей квартиры и явно не желала ничего касаться.

– Не волнуйся, они еще год будут сюда таскаться, – ответил за фээсбэшника ее муж.

– Нужно подчистить кое-какие хвосты, – Левченко пропустил грубость мимо ушей. – С вашим соседом стоило бы тоже побеседовать о взрыве.

– С Бородичем? Какой смысл, если человек постоянно живет в Стокгольме. Слышал ли он там шум?

«Жаль, что я здесь неофициально, – подумал майор. – Распустили бы вы у меня языки.»

– Однако ремонт квартиры он быстро организовал.

– У него есть в Москве свои представители. Они не стали брать штрафные деньги со «Стройсервиса», а договорились, чтобы те быстро сделали ремонт.

– А ведь я тебя просила сделать именно так. А теперь посмотри, кто остался в дураках, – влезла в разговор жена.

– Я боялся, что они начнут тянуть волынку, – в очередной раз стал оправдываться супруг. – Ты потом сама согласилась, что деньги надежнее.

– Вы случайно не знаете, кто этот представитель и где его найти?

– На суде его не было. От имени Бородича вообще не поступило иска о возмещении ущерба.

* * *

Через неделю после знакомства Зиба неожиданно спросила:

– Так ты думаешь жениться на мне или нет?

Алексей удивленно посмотрел на нее, ища смысла в странной шутке.

– Разве отец ничего с тобой не обговаривал? Короче, он собирается нас с тобой поженить.

– Уверена?

– Он сам меня известил. Не слышу криков восторга.

– А ты как к этому относишься?

– Нормально. Ты мне подходишь.

– Начнем с того, что ты еще ни разу не сняла очки.

Зиба спрятала их в карман и взглянула на своего спутника, слегка щурясь от солнечного света. Алексей только что гнал со скоростью сто километров по загородному шоссе, но теперь слегка сбавил обороты.

– Не беспокойся, особых дефектов нет. Ни бельма, ни косоглазия.

- Я об этом не беспокоился.
- Что еще тебя интересует? Девственность? В полном порядке.
- Прекрати валять дурака.
- Чего это ты вдруг сбросил скорость? Мы куда-то приехали?

Стоял пронзительно яркий солнечный день. По обе стороны шоссе обступило пшеничное поле. Кое-где мелькали цветные пятна сорной травы.

– Пейзаж, правда, подходящий, – заметила Зиба. – Согласись – такой важный в нашей жизни разговор не мог произойти в городской толчее. Зато теперь ты запомнишь его на всю жизнь.

- Это уж точно.
- Я вижу ты не представляешь меня в роли домохозяйки.
- Еще не пробовал.

– И не теряй зря времени. Безнадежное дело, – Зиба высунула руку из окна, пробуя на ощупь упругость встречного ветра. – Мы будем современной парой.

Отведя взгляд от дороги, Алексей взглянул на ее точеную фигуру в джинсах и кожаной безрукавке.

- Странные у тебя духи. Я в них слабо разбираюсь...
- Просто они мужские – вот и все.

Желтая стена оборвалась, открылись луг с копнами скошенной травы и излучина реки. Алексей никогда не мог представить себе, что будет вести речь о женитьбе с девушкой, которую ни разу не обнял. Зиба притягивала к себе, но в то же время он постоянно чувствовал невидимую преграду.

«Ничего удивительного – дочь шефа», – объяснял он себе.

Хаджиев был для него не только президентом банка, он во многом заменил покойного отца. Поэтому его выбор выглядел вполне объяснимым. Странно только что Зиба соглашается запросто – такие девицы обычно бывают строптивей.

– Вчера твой отец просил меня достать одно лекарство, – вспомнил Алексей. – Его применяют при сильных ожогах. Не нашел ни в одной московской аптеке, пришлось заказывать в Германии. Сегодня надо будет встретить самолет. Если хочешь, поедем вместе.

– Тащиться в аэропорт, – поморщилась Зиба. – Нет, на сегодня прогулок достаточно.

* * *

Каллистратов не стал задавать вопросов и без колебаний сел в машину рядом с незнакомцем, который за добрые полтора часа блужданий по московским улицам не проронил ни слова.

Олег спокойно ждал, чем закончится это путешествие. За последнюю неделю ночных бдений за компьютером он в самом деле отчасти потерял ощущение реальности. Теперь на все происходящее он смотрел со стороны, как зритель – поэтому и страха не испытывал.

Петляющий маршрут закончился на дальней окраине Москвы возле частного домика, выкрашенного зеленой и синей краской, с георгинами в палисаднике и кружевными занавесками на окнах. Человек с бакенбардами кивком указал Олегу на приоткрытую дверь в комнату, а сам устроился на табурете в прихожей.

Войдя, Каллистратов увидел молодую женщину с ярко-рыжими, огнем горящими волосами, по-детски пухлыми губами и тремя золотыми кольцами на одной руке. Лицо ее показалось смутно знакомым.

Женщина выглядела чем-то озабоченной.

- Садитесь, – нервно улыбнулась она и протянула руку. – Лина Альтшуллер.
- Теперь я понял, кого мне напоминает ваше лицо.

На губах Лины мелькнула горькая улыбка, но она решительно согнала ее и продолжила:

– Я знаю о вашем разговоре с матерью. Она в самом деле ничего не знает. А я не могла у себя дома завести с вами разговор. Садитесь, прошу вас. Угощайтесь.

На низеньком столике было всего понемногу: зернистая икра, лососина, маслины с миндалем вместо косточек и прочие деликатесы. Каллистратов мысленно воздал хвалу еврейскому гостеприимству и первым делом приложился к икре.

– Простите, что не предлагаю выпить, но сейчас вам лучше иметь абсолютно ясную голову.

– Безусловно, – кивнул Олег. – Я вас внимательно слушаю.

– Боюсь, что они и за мной следят. Поэтому приходится разговаривать в такой непривычной обстановке.

«Похоже, она сама здесь впервые», – подумал гость.

Громко тикали часы, на подоконнике краснела герань, над кроватью с никелированной спинкой висел плюшевый ковер с оленем. Комната напомнила Каллистратову детство и бабушкин дом в деревне.

– Кто они?

– Братья из ложи. Это они послали к отцу убийцу.

– Масоны?

– Я слышала слово «братья». Следователям я ни за что об этом не расскажу – нет им моей веры. Я хотела обратиться в частное сыскное агентство, но это очень рискованно.

– Все они занимаются мелочевкой: поиск пропавших людей, сопровождение ценных грузов, – поспешил заверить Олег. – Связываться с подпольной организацией эти люди не станут ни за какие деньги.

«Вот оно, – подумалось ему. – Теперь важно не выпустить нить из рук и не дернуть ее раньше времени.»

То ли от волнения, то ли от хронического недоедания последних дней Каллистратов злоупотребил оказанным гостеприимством. Когда он приказал себе остановиться, желудок был уже полон. Организм расслабился, размяк, голова приятно отяжелела. Приходилось напрягать все силы, чтобы справиться с блаженной дремотой.

– ...Я увидела, как оба надели на себя по маленькому фартуку, и тогда тон разговора сразу изменился. Отец повторял, что все это противоречит заповедям ордена. Он сказал: «Если мы действительно хотим заниматься благотворительностью, надо организовать свой фонд, а не выдирать готовое из чужих рук...»

Каллистратов обнаружил, что в речи Лины постоянно возникают пустоты. Помимо своей воли он пропускает то одно, то другое, не в состоянии полностью осмыслить сказанное, связать концы с концами. Только собрался переспросить, но Лина продолжала говорить, и он уже забыл, о чем хотел переспрашивать.

– ...Как раз через неделю должны были переизбрать председателя Фонда. Поэтому отец торопился воспользоваться случаем. Если бы он собрал пресс-конференцию в Москве, «братьям» все сразу стало бы ясно. А тут все-таки кинофестиваль, его детище. Он каждый раз назначал перед открытием пресс-конференцию. Брал с собой кого-нибудь из «звезд»...

Олег до крови прикусил нижнюю губу, чтобы собрать рассеянное внимание. Ненадолго помогло.

– Почему именно ваш отец? Он имел к Фонду какое-то отношение?

– Он был вице-председателем, на бумаге вторым человеком после Самохина. Но таких почетных вице-председателей у Фонда имелось целых шесть. Самохин выпрашивал у людей согласие просто для того, чтобы козырять потом именами – добавить Фонду респектабельности. Реально никто из них в текущих делах не участвовал.

– То есть «братья» решили посадить своего человека в председательское кресло?

– Постникова. Удобная фигура: инвалид, без ноги. Но для этого нужно всеми правдами и неправдами скинуть Самохина – он их чем-то не устраивает.

Олег решил не отрывать взгляда от пухлых губ, следить за каждым словом. Но вышло наоборот: движущиеся губы заняли все внимание, совершенно вытеснив смысл. Они отделились от головы и шевелились сами по себе, напоминая пару еще влажных подводных существ, выброшенных на берег морем.

– ...Потом, после похорон я долго не могла заставить себя подойти к его столу. Мне казалось кощунством рыться в бумагах после его смерти. Но я заставила себя...

Каллистратов изнемог в борьбе с самим собой. В конце концов у него еще будет случай уточнить детали. Надо только постараться схватить главное.

– ...Я не нашла ничего, только белые шелковые перчатки и старинную гравюру с изображением крылатого змея, кусающего свой хвост.

– А записная книжка с телефонами и адресами?

– Он все держал в голове, у него была феноменальная память... Вам плохо?

– Нет, ничего. По ночам не сплю, работаю. А днем все плывет перед глазами. Мы могли бы встретиться завтра, в это же время?

– Хороню. Скажите куда прислать машину.

Глава восьмая. На месте преступления

В самом начале рабочего дня Максим Левченко появился в офисе фирмы «Стройсервис».

– Вы знакомы с постановлением за номером двести тридцать третьим по Москве и Московской области? – он привычным жестом раскрыл свое удостоверение.

– А как же, – улыбнулась натянуто женщина-главбух.

По этому постановлению сотрудники ФСБ имели право знакомиться с отчетностью предприятий на предмет уклонения от уплаты налогов и других нарушений.

– Меня интересуют главным образом ваши штрафные выплаты по дому на Никольской.

– Деньги мы перевели – разбирайтесь с банком, почему они не выдают людям наличку, – главбух оперативно разыскала и протянула Максиму папку с документами.

– Но ведь сгоревших квартир было больше.

– Послушайте, мы руководствуемся решением суда. Суд постановил – мы выплатили деньги.

– А вот сорок вторая квартира, которая выгорела, можно сказать, дотла – что с ней?

– Не знаю – я там не была, расследованием не занималась. Я имею дело с документами.

– Могу рассказать – ваша организация в течение нескольких дней полностью отремонтировала квартиру.

– Вы уверены, что это были наши люди?

– Есть свидетели.

– Меня никто не ставил об этом в известность. Может быть ребята договорились пошашить?

– А мы сейчас проверим по табелю, кто брал отгулы или был в отпуску.

– В чем вы нас обвиняете? – занервничала главбух. – Предположим, фирма договорилась с владельцем квартиры. Он не подает иск, а мы бесплатно делаем ему ремонт.

– Где договор? Вы прекрасно знаете, что по действующему законодательству на выполненный объем работ должен иметься договор, скрепленный подписями сторон и вашей печатью. А в договоре должна стоять сумма оплаты, с которой вы обязаны заплатить все налоги. Даже если работы выполняются в зачет поставок товаров или других обязательств и фактической оплаты не происходит. Вот если бы суд обязал вас произвести ремонт бесплатно – тогда другое дело.

Бухгалтер тяжело вздохнула, попросила подождать и направилась к директору. Через десять минут Левченко пригласили в кабинет. Его ждал дымящийся кофе с коньяком.

– Я только вчера вернулся из командировки и меня уже ввели в курс дела. О ремонте договаривался наш главный инженер, а он не силен в юридических тонкостях. Пострадавший тем более. Ударили по рукам, а мне теперь оправдываться. Конечно, я не снимаю с себя вины. К завтрашнему дню все налоги будут уплачены.

– На нас тоже давят сверху, – объяснил Левченко. – Знаете, как у нас на Руси: то одна кампания, то другая. Коллективизация, мелиорация, теперь вот борьба за повышение налоговой дисциплины. Вы только пришлите завтра копию договора с заказчиком и копию платежки с банковской отметкой. И будем считать, что никакого злого умысла не было.

– Обязательно, – расцвел директор. – Единственный нюанс – договор подпишет не хозяин квартиры, а его доверенное лицо.

– Нет проблем.

Вернувшись домой Левченко обнаружил у себя в кармане две новенькие стодолларовые купюры.

* * *

Вернувшись домой, Олег свалился замертво и проспал шестнадцать часов. Проснувшись от шума воды, он испугался, что забыл закрыть кран на кухне. Но это хлопотала Алла.

– Слава богу, я уже думала, что ты впал в спячку от переутомления. Такие случаи бывают – я недавно читала, что какой-то мужик в Америке проспал больше месяца.

– Сколько времени? – Каллистратов выскочил из кровати и стал лихорадочно натягивать брюки.

– Скоро одиннадцать, – Алла не подозревала о его бурной деятельности. – Я просто вспомнила, что ты остался без припасов. Думаю, выйдет один на улицу да еще свалится где-нибудь без сознания. Да еще с небритой физиономией – потом доказывай милиции, что ты не верблюд. Откуда я знала что ты тут навел такой лоск: побрился, запачкал всю раковину в зубной пасте. Не на свидание случайно готовился?

Алла не смогла бы ответить, что привязывает ее к этому человеку, которому хронически не хватало времени на нежность. Она прекрасно понимала: Каллистратов уже не изменится – никогда он не начнет прилично зарабатывать, заботиться не то что о других, а хотя бы о самом себе.

Еще до того, как у Олега завязался роман с компьютером, у него ошутимо разладились мужские способности. После каждой неудачи он долго лежал молча, сцепив руки за головой. Алла прижималась сбоку к его неподвижному телу, но ей казалось что расстояние между ними увеличивается, как полоска воды между берегом и отплывающим кораблем.

– Возьми деньги в кармане куртки, – Олег забежал на кухню одетый.

– Куда собрался, сейчас будем завтракать.

– У меня назначена встреча.

– Рубашку ты застегнул на две пуговицы.

– Ничего, в лифте застегну. Хороню что ты пришла. Дождись меня, пожалуйста.

Человек с бакенбардами уже ждал на условленном месте. Всю дорогу Каллистратов проклинал себя за вчерашнее. Как он мог так преступно накинуться на еду. В самый ответственный момент, когда надо было сконцентрироваться на двести процентов. То, что осталось в памяти, выглядело как страница, исписанная чернильной ручкой и попавшая под проливной дождь.

– Мы не опаздываем? – глядя, как они в третий раз возвращаются на то же самое место, Олег решил нарушить молчание.

Водитель покачал головой.

«Надо извиниться, – твердил себе Каллистратов. – Извиниться и попросить, чтобы она все повторила еще раз.»

Автомобиль остановился возле того же самого деревянного дома с палисадником и кружевными занавесками, который так не соответствовал статусу дочери известного бизнесмена и мецената.

«Лучше было бы увидеться на новом месте», – мелькнуло у Каллистратова.

Быстрым шагом он направился к дому. Покосившееся крыльцо. Пушистая, рыжая с белыми пятнами кошка на солнце. Соломенная циновка в сумрачной прихожей. Приоткрытая дверь в комнату. Все по-прежнему и все по-другому. Не потому, что нет вчерашней новизны, неизвестности. Отчетливая печать неблагополучия и несчастья, которая даже солнечный свет делает зловещим.

Толкнув дверь, Каллистратов увидел то, чего боялся в глубине души, что снилось ему все долгие шестнадцать часов. Молодая женщина с огненно-рыжими волосами лежала в углу возле разбитого цветочного горшка.

На сей раз острый стальной шип проткнул насквозь шею. Похоже, он задел сонную артерию, и кровь некоторое время хлестала под напором. Она забрызгала стену и даже край короткой кружевной занавески. Лужа быстро впиталась в некрашенные доски пола и почти высохла.

Олег наклонился над телом – глаза покойной были широко раскрыты, пухлые губы, казалось, еще дрожали от ужаса. Сзади послышались шаги – это был человек с бакенбардами. Не говоря ни слова, он кинулся вон из комнаты. Каллистратов услышал треск кустов, увидел в окне, как тот в бесполезном отчаянии мечется по отгороженному забором участку, вертит головой во все стороны.

Громко, с полным безразличием к случившемуся, тикали часы. В отчаянии Олег с размаху трахнул кулаком по стене. Он чувствовал себя с ног до головы забрызганным виной – как каплями крови.

Убийца наверняка знал, что они вот-вот придут к месту встречи. И мог все точно рассчитывать. Это значит, что с минуты на минуту здесь будет милиция.

Каллистратов бросился к дверям, но улица уже была заблокирована двумя машинами, развернувшимися поперек дороги, и несколько человек одновременно кричали:

– Бросить оружие! Руки за голову!

Человек с бакенбардами метнулся в противоположную сторону, чтобы через забор перемахнуть к соседям, но ему выстрелили в ноги. Каллистратов обреченно встал лицом к стене и сцепил руки на затылке.

От этих тренированных ребят не оторвешься. И доказывать что-то сейчас, по горячим следам бесполезно. Торжествует инстинкт охотника, нарвавшегося на добычу.

Его ударили по спине, приказав пошире раздвинуть ноги. Сноровисто обыскали. Потом схватили за шиворот и поволокли к машине. Туда же втолкнули и человека с бакенбардами, предварительно рубанув пару раз дубинкой по рукам.

– Смотри шустрый какой. Бегать надумал.

* * *

Директор «Стройсервиса» лично завез Левченко необходимые документы, ему явно не хотелось ссориться с Федеральной службой безопасности.

– Все в порядке, – успокоил его майор. – И заберите свои добровольные пожертвования, если не хотите доставить мне кучу неприятностей.

Директор открыл было рот, чтобы возразить, но, оценив ситуацию, поспешил забрать деньги. Майор тем временем взял в руки договор и сразу обратил внимание на паспортные данные заказчика. Как только директор отбыл восвояси, он связался с картотекой и запросил данные на Фатеева Петра Андреевича. Паспорт такой-то серии, за таким-то номером, выдан таким-то РОВД. Ответ пришел быстро: картотеку уже несколько лет как преобразовали в компьютерную базу данных.

«К уголовной ответственности не привлекался. Год рождения – 66-ой. Работал сторожем, кладовщиком, в конце 80-х организовал торгово-закупочный кооператив, один из тех, что плодились тогда как грибы. Потом перешел менеджером в частную фирму по продаже оргтехники, потом на руководящую должность в российско-шведское СП.»

«По-своему типичный путь», – усмехнулся Левченко.

Что дальше? Женат, двое детей. Имеет две квартиры в Москве. В прошлом году обновил машину, взял самую престижную модель «Вольво». Ну и что из этого?

Майор записал оба адреса и уточнил по справочнику «Вся Москва», где находятся магазин и офис СП.

«Ради чего я трачу время? – спросил он самого себя. – В конце концов в каждой квартире можно при желании отыскать вещь, которая покажется странной постороннему человеку.»

Раньше я не имел дара высасывать себе занятие из пальца. Наверно, каждый из людей нашей профессии проходит рано или поздно через такой кризис. Внимание к мелочам превращается в излишнюю подозрительность, вместо разработки версий начинаешь возводить из кирпичиков тумана замки-миражи.»

Тут самокритичные размышления Левченко прервал вызов к начальству.

– Ты ведь слышал о сочинском деле? – задал чисто риторический вопрос человек в очках с тонкой золотистой оправой. – До сих пор мы не вмешивались, отдали на откуп ГУОПу. Сейчас мне звонят, что в цепочке появилось новое звено – убили дочку Альтшуллера. Тут недалеко, в Одинцовском районе. Только что договорился с Гуриным, что мы подключимся к расследованию. Он, конечно, далеко не в восторге, но ничего – пусть привыкает. Съезди прямо сейчас. Они вроде бы захватили на месте двоих.

Он сделал паузу.

– Слушаюсь, товарищ полковник.

– Это не совсем твой профиль. Хотя всякое может быть. Сам способ убийства не назовешь стандартным. Обычные киллеры так не работают, а оригиналам никто не дает заказы. Индивидуальный почерк – самый большой минус, который только можно представить. Я думаю тут не простая уголовщина.

Когда Максим прибыл на место происшествия, обоих задержанных уже увезли. В доме работала та самая следственная бригада, которая вылетала в Сочи по делу Альтшуллера. Как и ожидал Левченко, его приняли с плохо скрытой враждебностью. Так примут представителя конкурентов в святая святых компании.

Левченко повел себя спокойно – не протискивался к телу, не задавал вопросов. Занял тот самый табурет, на котором человек с бакенбардами нес дежурство во время первой и последней встречи Каллистратова с Линой. Осматривался, ждал, когда закончат составлять протокол и фотографировать труп.

Наконец, старший следователь не выдержал. Потом начнутся претензии и его сделают крайним.

– Сейчас повезем ее на экспертизу. Пока машина не приехала, тело в вашем распоряжении.

Максим внимательно рассмотрел оружие убийства.

– Соседей уже опросили?

– Несколько человек видели как подъехала машина с подозреваемыми. Одного из этой парочки мы уже опознали – он и в Сочи оказался в номере убитого. Некто Каллистратов, бывший журналист, сейчас без постоянной работы. Мы тогда взяли с него подписку о невыезде.

– А где эти орлы сейчас?

– Забросили их в следственный изолятор. Будут там допрашивать по горячим следам.

Глава девятая. Курортные досуги

По желанию невесты свадьба прошла довольно скромно. На следующий день молодожены отправились отдыхать на один из карибских курортов. Алексея до поры до времени не слишком беспокоили странности в поведении Зибы. Восточная женщина есть восточная женщина как бы она ни выглядела современно. Может быть у них после свадьбы предусмотрен какой-то период воздержания. Или все проще – у нее опасный период и она боится забеременеть. А к противозачаточным средствам относится с предубеждением.

Алексей не задавал вопросов и не ломал себе долго голову над раздельным спальем – всему придет время. Пока можно поплавать в свое удовольствие. Он нырял на глубину на окраине людного пляжа. Осторожно подталкивал пальцем крабов, неторопливо путешествующих по песчаному дну. Отгонял от лица стайки лупоглазых рыб. Подбирал красивые ракушки и бархатные нити водорослей. Прозрачную голубоватую толщу воды пронизывали потоки солнечного света.

Вдоволь нанырившись, он выходил из воды. Отряхивался, улыбался и ложился на белый, мелкий как пудра песок рядом с неподвижной Зибой. Но долго загорать у него не хватало терпения, он вскакивал и бежал играть в пляжный волейбол, самый популярный вид спорта среди отдыхающей молодежи. Особенно после того, как он стал олимпийским.

Зиба продолжала лежать, только переворачивалась на живот, чтобы наблюдать за игрой сквозь темные очки. Атлетическая фигура Алексея вызывала у нее только зависть, зато загорелые девушки, которые часто играли или болели без лифчиков, в одной тоненькой полоске пляжных трусиков, подолгу приковывали взгляд.

Вечером, когда молодожены отправились прогуляться по городу, Зиба неожиданно спросила:

- Ты смог бы подцепить вон ту мулатку?
- Которую?

Жена указала на стройную девицу в шортах с бахромой и цветастой рубашке, узлом завязанной на животе.

- Не люблю хвалиться попусту.
- Зачем говорить? Сделай.
- А дальше что?
- Возьмем ее с собой – пусть покажет нам город.

Алексей пригладил пятерней волосы и подошел к мулатке. Оказалось, что общаться они могут только на английском, которым оба владеют из рук вон плохо. Но проблем это не вызвало, скорее наоборот – редкие слова, восполненные жестами и улыбками, гораздо лучше служили взаимопониманию.

Через несколько минут мулатка развернулась в обратную сторону, чтобы последовать за Алексеем. Увидев Зибу, она в первый момент удивилась. Но потом решила, что парень, видно, любит развлечься в постели на троих.

Девушка, которую звали Алисией ничего не имела против. Она повела их на ночной рыбный базар. Все освещение здесь было сфокусировано на прилавках. От ярких красок, запахов, громогласных зазываний торговцев голова шла кругом. Здесь можно было купить по сходной цене все, что водится в теплых благодатных морях. Трепанги, омары, миноги, мидии, тунцы и макрель. Радужная влажная чешуя, панцири, клешни, змеиные кольца.

Здесь же рядом все это варилось, поджаривалось, кипело в масле. Алисия уговорила их попробовать какого-то экзотического блюда.

- Корто, корто! – восклицала она, покачивая головой и облизывая губы.

Еда и вправду оказалась безумно вкусной, но язык и нёбо загорелись огнем. Чтобы погасить пламя, они пили пьянящий сок. Зиба заметила, как мутные струйки стекают по подбородку мулатки, капают вниз и по впадине между грудей скользят к упругому животу, туда, где рубашка завязана цветастым узлом.

В номер гостиницы они попали только под утро. Обе женщины были босиком, только Алексей замешкался в прихожей, снимая обувь. Когда он вошел, они уже целовались, и Зиба, не теряя времени, расстегивала на мулатке шорты.

– Иди сюда, – позвала она мужа. – Разделим шоколадку на двоих.

Мулатка тоже махнула Алексею рукой – Зибы ей явно было мало. Последние английские слова вылетели из головы Алисии, и она что-то певуче лопотала на родном испанском. Не будь одна из женщин его женой, Алексей присоединился бы к ним с удовольствием. Но сейчас он чувствовал себя одураченным. Он предполагал в Зибе яркую оригинальность в поведении и пристрастиях, но действительность превзошла все ожидания.

Неопределенно махнув рукой, он вышел в пустой коридор и плюхнулся в мягкое обтянутое кожей кресло, чтобы собраться с мыслями.

Разводиться? Но Зиба нравилась ему несмотря ни на что. А главное – он не мог оскорбить ее отца, человека, которому был стольким обязан. Алексей уже почувствовал насколько важно для Хаджиева благополучие дочери. Каким ударом станет для него скоропалительный развод!

Его долг не бросать Зибу, а попытаться помочь ей. Женские привычки и пристрастия часто зависят от ситуации, диктуются обстоятельствами. Может быть ей просто не везло до сих пор. Если она узнает мужскую любовь, то поймет – ни одна женщина ей этого не даст.

Алексей думал о бремени ответственности, которое нужно суметь нести, когда из номера послышались сдавленные стоны, стоны не экстаза, а боли. Он вскочил на ноги.

В полумраке комнаты он различил мулатку с руками, связанными за спиной. Ее рот был заклеен пластырем. Зиба прижимала ее к кровати, упираясь коленом в спину.левой рукой она тянула Алисию за волосы, выгибая несчастную дугой, а правой затягивала у нее на шее свой широкий кожаный пояс.

Алексей оттолкнул жену в сторону, но чуть не потерял равновесия от удара кулаком наотмашь. Не успел он предпринять ответные меры, как Зиба вдруг холодно и равнодушно проговорила:

– Извини. Я уже в норме.

Она выпустила свою жертву, и Алексей получил возможность ослабить и снять ремень, который оставил на шее ясную отметину. Зиба молча сунула Алисии сто долларовую бумажку, чтобы та не поднимала шума и указала ей на дверь.

* * *

Рана оказалась совсем легкой, пуля не задела кости. Человеку с бакенбардами еще делали перевязку, а допрос уже начался. Он назвался Брониславом Басицким и клятвенно уверял, что уже несколько лет везде и всюду сопровождал Лину, выполняя самые разные поручения. Совмещал в себе телохранителя, шофера, посыльного.

– Это многие могут подтвердить. Спросите любого из ее знакомых.

– Если ты работал телохранителем, то обязан был не допустить убийства.

– Да, обязан, – понурил голову Басицкий. – Вы не накажете меня суровой, чем я сам себя осудил... Но я не мог разорваться между столькими обязанностями. Она поручила привезти человека.

– Зачем он ей понадобился?

– Не знаю. Я никогда не лез не в свои дела. Он был в Сочи, в той гостинице, где убили Григория Евсеевича.

– Это мы знаем и без тебя. Почему тайно? Как она вообще оказалась в этом домишке?

– У Григория Евсеевича была русская бабушка. Дом остался от нее – там держали женщину, которая следила за порядком...

В это же самое время допрашивали и Каллистратова. На него перли гораздо жестче – обстоятельства позволяли. Сперва оказался на месте убийства отца, теперь дочери. Нужны ли еще доказательства? Разве что признание обвиняемого для полного порядка.

– По тебе не скажешь, что крепкий мужик. Так всаживать кол с одного удара – это ж надо недюжинную силу иметь.

Сотрудники ГУОПа разглядывали Каллистратова с долей уважения. Их было двое: один в форме, другой в штатском. Люди из угрозыска настолько свыклись со зверскими убийствами и обезображенными «трупешниками», что преступники редко вызывали у них злобу и негодование. Разве что закоренелые маньяки или те, кто покусился на жизнь блюстителя порядка.

– Начинай, не стесняйся, – предложил Олегу человек в форме. – Все-таки любопытно послушать. Держу пари, что ты не профи.

– Она кое-что знала о настоящих убийцах отца, – исподлобья взглянул Каллистратов. – Но не успела рассказать.

– Ай-яй-яй. Ну что за невезуха. Сперва отец Альтшуллер жаждет поведать тебе сенсационные новости, потом дочь. И надо же – не хватает каких-то жалких минут. Только, понимаешь сунул с диктофоном и вдруг на тебе – лужа крови. Никак не удастся интервью.

На первый раз безотказных методов к Олегу применять не стали – но на словах предупредили, что долго валять дурака не дадут. Оставшись в одиночестве, он долго сидел, уставившись на свои туфли без шнурков и бетонный пол камеры. Даже летом здесь пробирал до костей могильный холод.

Что предпринять? Пересказать слова Лины? Но связного рассказа все равно не получится. Объяснить как в ответственный момент его разморило от деликатесов? Только рассмешишь ментов до слез.

Нужно и другое иметь в виду – те, о ком говорила Лина, наверняка кормят пару фуражек в МВД. Очень может быть, что материалы допроса уже сегодня окажутся у них на столе. Если эти люди почувствуют опасность, долго ему не протянуть. «Ночью подозреваемый скончался в камере от сердечного приступа». «Во время допроса Каллистратов неожиданно выпрыгнул из окна шестого этажа».

Как там бедная Алла – до сих пор ждет? Наверно проклинает день, когда связалась с таким... Трудно сказать, какие она сейчас выбирает слова. Даже если смотрит от нечего делать телевизор – в новостях ни за что не сообщат фамилии задержанных.

Если бы знать: кому можно доверять в этой системе? Иначе она сглотит его и не поперхнется. Спокойно – первым делом надо сконцентрироваться и вспомнить о чем все-таки говорила Лина. Ведь углами он слышал все, абсолютно все. Значит, в каком-то из дальних уголков головы оно хранится в целостности и сохранности. Остается самая малость – найти и извлечь. Осторожно, не дыша.

* * *

Потрясение было велико. Знакомые англичане и друзья из эмигрантской среды заметили, что после третьей поездки в Россию Белозерский изменился. Перестал улыбаться и часто посреди разговора погружался в себя, ничего не видя и не слыша вокруг.

Увлёкся мистикой, по вечерам зажигал в своем лондонском доме восковые свечи. Зачехлил картины, чтобы они не мешали сосредоточиться. Он пытался убедить себя, что существует некая параллельная реальность, в которой крапивинская усадьба уцелела.

Время там движется по кругу – стоит вечное лето, за большим столом на веранде пьют чай. Отец просматривает свежие газеты, мать рассуждает о том, что ночью будет гроза. Действительно, воздух неподвижно застыл, листья замерли, в прояснившемся зеркале озера до мельчайших подробностей отражаются берега...

Белозерскому хотелось верить, что можно попасть в эту реальность, обжиться в ней. Она должна быть гораздо более осязаема, действительна, чем та, где дом разрушен до основания, где безраздельно торжествует крапива и бродят голодные собаки.

Жизнь потомка знаменитого дворянского рода разделилась на две слабо связанных между собой половины. В одной он продолжал успешно вести свой частный адвокатский бизнес – изучал дела, выступал на судебных заседаниях, выслушивал пожелания клиентов. В другой – сидел с удочкой на берегу, бродил по лесу.

Неделя шла за неделей, и он понял, что никогда не поймает в своей призрачной России ни одной рыбы, не найдет ни одного гриба, ни ощутит на лице ни одной дождевой капли. В один из воскресных дней Белозерский снял с картин чехлы, убрал подальше свечи, спрятал альбом с фотографиями.

Но он был русским человеком, рожденным в Европе, – он не ударился в запой, не застрелился, не заперся дома. Адвокатская практика шла своим чередом, не потерпев ни малейшего ущерба. Дела выигрывались, гонорары оставались по-прежнему высокими.

Одному из его клиентов предъявили иск по вопросу о наследстве. Некто Джозеф Фолкстон завещал все свое состояние организации под названием «Ройал Арк» – «Королевская арка», членом которой состоял до самой смерти. Дети покойного решили оспорить законность завещания и клиент Белозерского по фамилии Саундгрейв выступал в роли ответчика.

Дело было выиграно с блеском – истцам не удалось привести никаких доказательств того, что покойный перед смертью частично утратил рассудок и подвергался мощной психологической обработке со стороны некоторых собратьев по «Королевской арке». После уплаты оставшейся части гонорара в высшей степени довольный Саундгрейв пригласил адвоката в гости.

Этот человек удивительно умел расположить к себе. Он показал Белозерскому свой сад, которому как истый британец уделял много внимания. Гость и хозяин устроились за легким столиком посреди идеально подстриженной лужайки.

– Сейчас в прессе развернулась бурная полемика. Читатели пишут возмущенные письма в газеты. Какая-то фирма выпустила в продажу аэрозоль, который мгновенно сделает ярко-зеленым ваш пожухлый газон. Люди беспокоятся, что это отучит нас регулярно подстригать газоны. Рухнет один из столпов, на которых держится Англия.

– Такая приверженность традициям всегда вызывала у меня восхищение.

Белозерский сразу почувствовал в Саундгрейве аристократа в лучшем смысле слова. Прекрасно воспитанный, тот не выглядел чопорным. Человек безусловно состоятельный, получивший прекрасное оксфордское образование, он держался доброжелательно и просто.

Англичанин и русский, в чьих жилах текла одинаково голубая кровь, почувствовали взаимное расположение и симпатию. Белозерский сам не заметил, как стал рассказывать собеседнику о России, о семье, о разоренном крапивинском поместье. Это был первый человек, с которым он поделился самым сокровенным.

Выслушав до конца, Саундгрейв кивнул:

– Вы совершенно правы – реальность можно пересоздать. Все разрушенное подлежит восстановлению. Но сделать что-либо в одиночку невозможно. Ваша история только частный случай глобальной задачи – воссоздания разрушенного Храма. Этому делу избранные люди служат уже много веков... Вы не задали мне ни одного вопроса относительно внутренних дел «Королевской арки». Ценю ваш такт. Но – откровенность за откровенность. Мы считаем себя наследниками и продолжателями дела английских масонов.

– Масонов? – удивленно переспросил Белозерский. – Я привык думать о масонах как о противниках религии, врагах всех европейских империй, которые втайне готовили их разрушение.

– В этом есть доля правды, – заметил англичанин. – В истории Ордена бывало всякое. Но неполная правда еще хуже чем абсолютная ложь... В восемнадцатом веке, когда началась мода на масонство, ложи чрезмерно расплодились. Естественно туда проникали люди с преступными замыслами. Если в Британии желающий вступить в ложу должен был подвергнуться суровым испытаниям, пройти через длительный срок ученичества, то в других странах и особенно во Франции напыщенные звания и ложи с разнообразными уставами плодились как сорная трава. Хороший пример – теперешние Соединенные Штаты, страна, где профанируется любая идея, где обыватели пролезают везде и всюду. Шестнадцать тысяч масонских лож, несколько миллионов членов – как вам это нравится? Приверженцы строгого масонства не могут нести ответственности за все, что творили и творят люди, которые называют себя масонами и пользуются нашей символикой.

Слова Саундгрейва звучали убедительно. Вечерело, он предложил гостю подняться на крышу дома, чтобы полюбоваться закатом.

– Первый настоящий закат после двух недель серой пелены. Идемте, там все отлично оборудовано – вы не ощутите никакого неудобства. Мой дом расположен удивительно удачно: всего три этажа, но какой вид на Темзу!

Англичанин продолжал просвещать своего нового друга. Он рассказал, что в лондонских летописях слово «франкмасон» или «вольный каменщик» впервые появилось в четырнадцатом веке. Так называли средневековых ремесленников-каменщиков, которым разрешалось путешествовать по стране, тогда как большинство крестьян были привязаны к своему месту жительства. Эти каменщики сочетали в себе архитекторов и чернорабочих. Завершив кафедральный собор, они переходили к строительству замка или городской ратуши. Путешествовали они большими группами и жили вместе во временном доме на строительной площадке. Отсюда и пошло слово «ложа». Между ложами существовали обязанности гостеприимства и братской помощи при путешествиях, система условных паролей и знаков.

– Престиж этих лож со временем рос. Среди каменщиков были люди, которые не только досконально знали секреты своего мастерства, но и хранили древнюю мудрость. Ведь с незапамятных времен люди, принимавшие участие в строительстве священных сооружений, соприкасались с божественным. Познания сохранялись в символической, недоступной профанам форме, передавались от мастеров к подмастерьям, переносились из страны в страну.

Солнце опускалось на глазах и скоро исчезло за крышами, оставив только отблеск на речной воде. Белозерский чувствовал облегчение – как всякий человек, поделившийся тем, что его мучит.

– Наверно, я утомил вас длинными экскурсами в историю.

– Все очень интересно. Я мало об этом знаю.

– Постараюсь покороче. Вскоре некоторые из лож начали принимать почетных членов, которые не были каменщиками по профессии. Философов, аристократов, даже членов королевской фамилии. Все они надеялись принять участие в тайных обрядах и познать тайную мудрость каменщиков-масонов. Четверо из членов лож взошли впоследствии на британский трон. Наш великий премьер Уинстон Черчилль тоже был масоном. Главными врагами масонов всегда выступали диктаторы – от Гитлера до Франко, и тот и другой казнили сотни «братьев».

– А Ватикан? Насколько я знаю римские папы неустанно обличали Орден.

– Святейший престол уже признал свою ошибку. В 1965 году Второй Ватиканский собор объявил, что католики уже не будут отлучаться от церкви за вступление в масонские ложи Великобритании. Заметьте, что для Италии и Франции запрет остался в силе. Тамошние ложи склонны к политическим авантюрам и запятнали себя финансовыми махинациями.

– Помню в восьмидесятых годах на шумела история с итальянской ложей «П-2». Их обвинили в подготовке государственного переворота.

– Они занимались всем на свете: от торговли оружием до сырой нефти. Результаты расследования чуть не привели к падению правительства. Все это доказывает насколько ложи так называемой «европейской» системы отклонились от истинных целей Ордена.

Глава десятая. Шанс для подследственного

– Часто на тебя такое находит? – Алексей закурил сигарету и протянул Зибе открытую пачку.

– Спасибо, – не раздеваясь, она упала на кровать и несколько раз нервно шелкнула зажигалкой. – С недавних пор. Ты ничего не знаешь о том, что отец сотворил с моей ближайшей подругой?

– Нет.

– Ну помнишь ту девушку, для которой ты искал лекарство? Он нанял человека, который плеснул ей в лицо серной кислотой, – Зибу передернуло. – Это хуже чем сжечь.

– Откуда ты знаешь? Он сам тебе сказал? – недоверчиво посмотрел муж.

– Однажды он застал нас в постели. Этого оказалось достаточно.

Они не зажгли даже ночника. В темноте плыл сизый дым и светились две горячие точки.

– А потом отправлял тебя за лекарством. Чтобы она, случаем, не сыграла в ящик. Пусть лучше мучается до конца дней своих.

– Ты была у нее в больнице?

– Нет.

– Почему?

– Когда я узнала о том, что случилось... Я все так отчетливо представила... Это был сильнейший оргазм.

Алексей погасил сигарету в пепельнице и привычным жестом откинул волосы со лба.

– Теперь тебе ясно? – спросила Зибя.

– В общем, да.

– Прости, но я чувствую себя разбитой. Хочу поспать хоть немного. Задерни занавески, а то солнце по утрам бьет в окно как шальное.

Она заснула почти сразу. Алексей разогнал ладонью дым и долго рассматривал спящую. Кожаная жилетка, надетая на голое тело, расстегнулась и видны были небольшие незагоревшие груди. Крепкий живот мерно дышал, коротко подстриженная голова сползла с подушки. Лицо выглядело безмятежным, словно у ребенка.

Невзирая на круглосуточные труды кондиционера, в номере густела тропическая жара. Она даже усилилась по сравнению с дневной – разогревшиеся под солнцем стены отдавали тепло, и Алексей открыл холодильник и освежился банкой холодного пива. Если бы он знал что делать. Тут надо быть психотерапевтом или экстрасенсом.

Пиво горчило. Немудрено – после таких новостей.

* * *

Снова и снова Олег проигрывал в памяти их первую и последнюю встречу. Благо ничто не отвлекало, времени имелось предостаточно.

Ярко-рыжий огонь, пухлые бледно-розовые губы, белая, вся в родинках рука, тяжелая от колец. Она сказала, что боится братьев из ложи, что они убили отца. Нет, она сказала «послала убийцу».

Каллистратов немного приободрился. Пока вспоминается, надо только восстановить последовательность, чтобы одно цеплялось за другое. Но дальше сразу всплыли масонские фартуки. Когда, где, на ком она их видела? Черт возьми, сразу обрыв...

Кажется, это было у них дома. Она услышала спор на повышенных тонах и не удержалась – заглянула в замочную скважину. Речь шла о благотворительном фонде, о фонде военно-

служащих-инвалидов чеченской войны. Один из собеседников сказал, что надо организовать свой фонд, вместо того, чтобы хапать готовое.

Все верно – это был ее отец. Она нашла у него белые шелковые перчатки, непрменный атрибут всякого масона. На пресс-конференции он хотел обнародовать планы насчет фонда. Паршивая овца в масонском стаде?

Разглашение внутренних дел ложи всегда каралось строго. В старинной клятве говорится «не выдавать, не излагать письменно или устно, прямо или косвенно ни одно обстоятельство, касающееся ложи». Далее следует перечисление мучительных казней для того, кто клятву нарушит. В самой легенде о Хираме Абиффе упор делается на сохранение тайны.

Что было решено относительно фонда? Взять под свой контроль – что же еще. В России взять фонд под контроль чаще всего означает посадить своего директора. Минимально необходимое условие.

Он помнил точно – о фонде Лина говорила подробно. Называла фамилии. Каллистратов ходил взад-вперед по крошечной – три на три метра – камере, сжав голову руками. Он готов был снять ее с плеч и болтать, трясти пока нужное не всплывет на поверхность.

С противоположной стороны двери зазвенели ключи в связке. Потом нужный повернулся в замочной скважине, и Олег увидел человека в штатском, который выступил из-за спины надзирателя. Невысокого роста, широкий в плечах, с голубыми, как будто выгоревшими на солнце, глазами и красноватым загаром, он походил на спортивного тренера. Гулкая стальная дверь захлопнулась, и они остались в камере вдвоем.

Левченко важно было сразу завоевать доверие подследственного. В этом смысле доверие похоже на любовь – вопрос обычно решается с первых минут. Он не стал широко улыбаться, тянуть руку для рукопожатия.

Представился:

– Майор Левченко, ФСБ.

Продемонстрировал раскрытое удостоверение, продержав его достаточно долго, чтобы Олег смог разглядеть фотографию, фамилию, круглую печать. И увидел, как настороженность в глазах постояльца одиночной камеры немного спала. Любой чистый перед законом гражданин, даже тот, кто знал о силовых ведомствах только понаслышке, с меньшей опаской относился именно к этой аббревиатуре.

– По некоторым уголовным делам мы принимаем участие в расследовании.

«Похоже на шанс, – сказал себе Олег. – Но очень уж быстро он представился – стоило только помечтать. Осторожность прежде всего, они могли подстроить ловушку.»

– Я побывал у вас в гостях. Объяснил вашей Алле ситуацию. Конечно, в смягченном виде. Она изъявила горячее желание увидеться с вами. Постараюсь, чтобы завтра разрешили свидание.

– Как она? – сдержанно спросил Олег.

– В порядке. Мы говорили около часа. Если вдруг дело дойдет до суда, ее стоило бы взять в адвокаты.

Каллистратов молчал, ожидая продолжения.

– Оказалось, что мы с вами в некоторой степени коллеги, – заметил майор. – Вы – теоретик, я – практик. Вы собираете материалы о масонах, мой профиль – так уж случилось – присматривать за всевозможными сектами. И в случае криминального уклона осуществлять хирургическое вмешательство.

– Масонство не секта, – с некоторым высокомерием уточнил Олег.

– Согласен, – примирительно ответил Левченко. – Хотя между сектами и тайными обществами трудно провести четкую границу.

Он присел на деревянный топчан:

– С вашего позволения.

– Конечно-конечно, – впервые за много дней на лице Каллистратова появилось подобие улыбки. Она вышла перекошенной, слабой – просто сдвинулись в стороны уголки рта.

– Сейчас решающий момент, – предупредил фээсбэшник. – Если следствие выберет для разработки ту или иную версию, считайте, что поезд тронулся с места и поменять маршрут будет трудно.

Олег пожал плечами и прислонился спиной к бетонной стенке. В камере все было серым, бетонным – пол, стены, потолок.

– Не советую, можно заработать хворь на всю жизнь, – майор разговаривал спокойно, без напряжения, словно они сидели в кафе или прогуливались пешком по Тверскому бульвару. – После общения с Аллой у меня мало сомнений в вашей невинности. Но удивляет настойчивость, с которой вы лезете в яму. Человек неделями сидит за компьютером, роется в архивах и вдруг проявляет такую настойчивость по отношению к одной семье. Ведь вы умеете не отвлекаться в сторону. Очень хорошо умеете... Значит между археологическими изысканиями и семьей Альтшуллеров есть какая-то связь.

– Вы слишком располагаете к доверию, майор. Это меня и беспокоит.

– Логично. Подарки судьбы редко падают с неба в камеру следственного изолятора. Придумайте сами, что я могу сделать, чтобы завоевать ваше доверие. Выпустить вас отсюда не в моей компетенции и, честно говоря, для этого пока нет оснований. Принести характеристику от начальства? Пожалуйста, если вас это устроит. Что еще? Любой шаг можно расценить как изощренную ловушку.

– На сколько процентов вы уверены в моей невинности? – поинтересовался Каллистратов.

– Процент на девяносто. Но я пока ничем не рискую – рисковать надо вам. И чем раньше, тем лучше. Потом придется исповедоваться следователю.

Если бы человек в штатском ответил «на все сто», Олег бы однозначно решил для себя, что его визит всего-навсего хитрожопая милицейская игра. Но он сказал «девяносто». Слишком тонкая тактика для ментов. Похоже, он действительно фээсбэшник.

– Как вы можете гарантировать мне безопасность?

– Самый верный способ – подольше не выпускать вас отсюда. Обещаю, что вас оставят в одиночной камере. Не станут применять физического воздействия.

«Слишком много он наобещал для человека из другой системы», – подумал Олег.

– Вы могли бы присутствовать на всех допросах? Мне не хочется выпасть из окна.

– Для этого мне пришлось бы сесть в камеру рядом с вами. Следователь волен устроить допрос в любое время суток. Правда, я могу накатать официальную бумагу – «прошу заранее ставить меня в известность о всех предполагаемых мероприятиях с гражданином таким-то». По действующему порядку совместных расследований они не имеют права мне отказать. Если вы ненароком выпадете из окна, им придется ответить – почему сотрудник ФСБ не получил приглашения.

– Что же вам мешает?

– Не хочу до поры до времени афишировать свой интерес.

Все это было очень похоже на правду.

– У меня к вам тоже есть вопрос, майор, – сказал Каллистратов. – Вам или вашим людям приходилось иметь дело с масонами?

– Нет, – уверенно ответил Левченко. – Пять лет назад проходил стажировку в «Интерполе» – у них изредка проскакивает это слово. Иногда, надеясь подстегнуть расследование, потерпевшие от обычной финансовой аферы заявляют, что им был нанесен ущерб масонской организацией или всемирным подпольным синдикатом. Потом эти утверждения оказываются совершенно безосновательными.

– Это у них, – нетерпеливо прервал подозреваемый. – А у нас полная тишина?

– За последние пятнадцать лет я отвечаю.

Глава одиннадцатая. Черная комната

Дело о наследстве «Семья Фолкстон против Саундгрейва» благополучно забылось среди десятков и сотен себе подобных. Но знакомство двух потомственных аристократов быстро переросло в тесную дружбу.

Состояние Белозерских пошло по ветру в советской России, и для потомка князей адвокатская практика являлась единственным источником дохода. Англичанин, наоборот, обладал огромным недвижимым имуществом и внушительным счетом в банке.

Но это не мешало дружбе – при всем различии в вероисповедании, семейных традициях и состоянии они чувствовали принадлежность к одной семье. Семье, которая постепенно угасала в бешеном ритме современной жизни, в новом европейском сообществе без национальных границ.

К разговору о «Королевской арке» они больше не возвращались. Пока, однажды, Саундгрейв не увидел дореволюционные, с коричневым оттенком матовые фотографии, снятые в Крапивино.

– Вот мой отец, – Белозерский показал на мальчика в матроске и панаме. – Ему было двенадцать лет, когда пришлось бежать из России.

– Удивительно, что дом нигде не попал в кадр целиком. Наш брат англичанин первым делом снял бы его со всех четырех сторон. У вас, русских все-таки больше связи с природой. Люди на этих фотографиях нигде не выпадают из пейзажа. Они – его неотъемлемая часть, как птицы, деревья, цветы.

– Судя по тому, что рассказывал отец, дом отличался тем же самым свойством.

– Когда будет воссоздан Великий Храм, восстанет из руин все, разрушенное за тысячелетия. Ведь не случайно наши атрибуты – это молоток и перчатки, угольник и отвес, циркуль и мастерок. Перчатки я даже могу показать непосвященному.

Он вытащил две белые шелковые перчатки с вышитой монограммой.

– Они мало годятся для грубой работы, – заметил Белозерский.

– Потому что Храм создается не в камне, а в духе, – ответил англичанин. – Важно увидеть свою личную трагедию, как отражение вселенской божественной мистерии. Только тогда вы обретете уверенность и покой.

– Вопрос в том, как этого достичь.

– Вступите в наше братство и вы, по крайней мере, окажетесь в начале пути.

Подав письменную просьбу о приеме, Белозерский через неделю получил приглашение и явился в дом Саундгрейва. Вместо хозяина его встретил слуга с черной повязкой в руках. Завязав кандидату глаза, он повел его за собой. Белозерский сперва еще ориентировался – они направлялись в то крыло дома, куда Саундгрейв ни разу его не приглашал.

Но путь оказался очень долгим – они сворачивали, спускались и поднимались по лестницам.

– Вы можете снять повязку, когда перестанете слышать мои шаги, – почтительно произнес провожатый.

– Хорошо.

Размеренные звуки скоро затихли. Белозерский обнаружил, что находится в тесном помещении, задрапированном черным бархатом. С низкого, не больше двух метров, потолка свешивалась лампада с тремя свечами. На столе лежали три берцовые кости, хорошо сохранившийся череп и книга.

Раскрыв заложенную страницу, он прочел из двадцать первой главы книги пророка Иезекииля:

«Так говорит Господь: меч наострен и вычищен. Наострен для того, чтобы больше заклать; вычищен, чтобы сверкал, как молния».

При беглом осмотре Белозерский не смог отыскать дверь, через которую его ввели – настолько удачно она была замаскирована. Он присел на стул и стал ожидать продолжения. Череп, кости и черная комната показались ему чем-то вроде игры.

Может быть лет двести назад сердце посвящаемого замирало от страха. Но сейчас, после сталинских и гитлеровских концлагерей, после кровавой мясорубки двух мировых войн все это выглядело не слишком серьезно.

Наконец, вошел человек, одетый в серый двубортный костюм. Он сообщил кандидату, что желающий света должен первым делом разглядеть окружающую его тьму.

– Орден требует исполнения семи правил – прежде всего повиновения, затем самопознания, смирения, любви к человечеству, щедрости, скромности, благорасположения к смерти... Теперь вам следует обнажить левую сторону груди.

Белозерский снял пиджак, стянул джемпер, расстегнул левый рукав сорочки и остановился, соображая что делать дальше. Человек в сером подсказал ему расстегнуть сорочку до пояса и вытащил руку из рукава. Он опять завязал Белозерскому глаза той же повязкой и повел вперед.

Почти сразу кандидат почувствовал холодное острие упирающееся в грудь, слегка царапающее при каждом шаге.

«Есть все-таки глубокий смысл в этом упорном следовании традиции, в нежелании отступить от нее хоть на йоту, – думал он. – Надо только войти в этот мир, вжиться в него и тогда игра превратится в реальность, а мишура – в подлинные богатства.

Раздались три удара в дверь.

– Кто там? – послышался голос Саундгрейва.

– Со мной тот, кто желает вступить в ложу «Королевской арки» Британского Ордена Свободных Каменщиков.

– Как его имя?

– Юджин Белозерски, – так по-английски произносились имя и фамилия кандидата.

Последовали еще несколько вопросов: о возрасте, месте жительства, роде занятий. Белозерский услышал, как дверь отворилась. Теперь он, судя по всему, стоял в просторной комнате и слышал с разных сторон дыхание молчащих людей.

Ему задали несколько туманных вопросов вроде такого:

– Считаете ли вы своим первейшим долгом почитать, страшиться и любить Верховное Существо?

На все он дал положительный ответ. Голос Саундгрейва произнес:

– Все присутствующие слышали, что этот человек тверд в своих намерениях. Он добровольно соглашается посвятить свою жизнь служению делу Истины и восстановлению Храма. Вы согласны принять его в наше общество?

После нестройного хора одобрительных возгласов повязку с глаз сняли. Помещение действительно оказалось просторным. Стены, в противоположность предыдущей мрачной комнате были задрапированы небесно голубым шелком. Три ступени вели к сооружению, похожему на алтарь и пустому роскошному креслу. На полу лежал ковер с вытканными символами. Горели свечи, на бронзовой цепи спускалась с потолка большая звезда.

Собравшиеся члены ложи выстроились треугольником. В их одежде не бросалось в глаза ничего необычного, экстравагантного, кроме небольших фартуков с вышитыми циркулями и латинской буквой «V» и белых перчаток. В руке каждый держал короткий клинок, поблескивающий в мерцании свечей.

Со всех сторон оружие было направлено на него.

– Вот что ожидает брата, если он изменит своим обязанностям.

Слово опять взял Саундгрейв, который, очевидно, считался здесь старшим.

– Во имя Великого Строителя мира, в силу данной мне власти, по согласию присутствующих братьев я принимаю вас в ложу «Королевская арка», – он дотронулся до ребер кандидата деревянным отполированным молоточком.

Белозерскому повязали фартук, вручили белые перчатки и простой мастерок подмастерья. Торжественная церемония приема закончилась.

* * *

– Сколько лет вы знакомы? – спросил врач.

– Три месяца.

– Это несерьезно, молодой человек – ну что вы в состоянии о ней рассказать. Заочный диагноз – чистое шарлатанство. Если бы сюда по крайней мере явился ее отец.

– Он никогда этого не сделает.

– Так чего вы от меня хотите? Насколько я понял, у вашей жены существует определенная предрасположенность в сексуальном плане. Она, безусловно, сформировалась не сегодня и не вчера, а в раннем детстве. Но весь вопрос в причине. Физиология, гормональный баланс, воспитание или распределение ролей в семье? В каждом случае лечение будет особым.

В кабинете психиатра не было ничего лишнего. Стол, стул для хозяина, кресло для пациента. В углу раковина, вафельное полотенце на крючке. Толстяк в белом накрахмаленном халате недовольно топорщил усы. Но давать от ворот поворот человеку, который мог щедро расплатиться, тоже не хотелось.

Решив, что он достаточно набил себе цену, врач тщательно вымыл руки, медленно вытер их полотенцем и задал первый конкретный вопрос:

– Вы рассказали все, что знаете?

– Кроме имен и фамилий, – уверенно ответил Алексей.

– Не рассказывала ли вам жена о своем опыте близости с мужчинами?

– Если верить ей, его просто не было.

– А вы ей верите?

– Да. Мне даже трудно представить ее в постели с женщиной.

– Возможно это случилось против ее воли, в детстве... Она не рассказывала вам о своих снах?

– Она плохо их помнит. Часто видит себя со стороны. Причем лицо неопределенное, расплывчатое.

– Что и следовало ожидать. Ваша жена не идентифицирует себя с той женщиной, которой является на самом деле. Дайте-ка еще раз фотографию. Я понимаю: это все равно, что назвать фамилию. Не волнуйтесь – людей с патологической сексуальностью гораздо больше, чем вы думаете. Если я стану держать в голове все лица, она превратится в затоваренный склад.

Алексей протянул несколько фотографий, снятых «Полароидом» на карибском курорте: пляж, карнавал на улицах города.

– Со вторичными половыми признаками все в полном порядке. Да, похоже, дело в психической травме. Возможно она была настолько сильной, что оказалась вытесненной в подсознание. Попросту говоря, ваша жена забыла о ней, потому что не хотела помнить. Обратите внимание на места, предметы, слова, которые вызывают у нее резко отрицательную реакцию. Ключ где-то там. Только не форсируйте событий, действуйте исподволь, осторожно. То, что лежит на дне, должно всплыть как бы само собой.

Алексей уже отчаялся услышать от толстяка что-то путное, но теперь вырисовалась некоторая перспектива.

– Попробую, – он протянул человеку в белом халате щедрый гонорар.

– Держите меня в курсе, – порекомендовал врач, окончательно оттаяв. – Заходите. Звоните в любое время. Нашим девизом на ближайшее время станет «Терпение и настойчивость».

Глава двенадцатая. Последние новости из фонда

Каллистратов решил рискнуть. А поскольку не имело смысла рисковать наполовину, он выдал фээсбэшнику все, что знал.

– Мое начальство, похоже, само практикует в колдовской секте, – покачал головой Левченко. – Феноменальная интуиция. Как они догадались, что это дело по моей части?

– Что мне говорить на допросах – прикусить язык?

– Прикусить язык не получится. О первой встрече придется упомянуть – кто-нибудь из соседей обязательно заложит. В каждом втором из таких частных домиков сидит старая бабка, которая сутками глядит в окно.

– Но что-то ведь должно было быть сказано. Человека зачем-то приглашают.

– На первой встрече обычно присматриваются. Объясните, что ее интересовали обстоятельства убийства отца – вы ведь были в числе первых свидетелей. Договорились встретиться на завтра. Она обещала рассказать о людях, которых подозревает. Но не успела. Отчасти это соответствует действительности. О масонстве и фонде инвалидов никому ни слова. В противном случае я в самом деле не смогу гарантировать вашу безопасность.

– Почему она решила поделиться именно со мной? Не понимаю.

– Судя по всему, ей не хватало настоящих друзей. Тех, кому можно верить. Она торопилась и не нашла лучшей кандидатуры. Все-таки журналист. Журналистам люди почему-то доверяют.

Выйдя из камеры, Левченко вернулся на рабочее место и срочно затребовал материалы по фонду. Один из самых молодых, но уже здорово раскручен. Основанный в начале 1997 года для реабилитации военнослужащих – инвалидов чеченской войны, он, что называется, «попал в колею».

Получили от правительства те самые налоговые льготы, которых лишили «афганцев». Разумно распорядились первой волной щедрых пожертвований – не проели, а пустили в дело. Создали несколько дочерних фирм, купили землю под строительство оздоровительного центра, провели съезд ветеранов чеченской войны. Удалось быстро наладить отношения с церковью, со столичной мэрией.

Последние известия из фонда подтверждали слова Лины в пересказе Каллистратова. Были назначены перевыборы председателя, потом их отложили на три недели.

Любченко взглянул на часы – 15:45. Поздновато. Он нашел телефонные номера фонда в справочнике, поднял трубку, но в последний момент передумал. Майор страшно не любил вести разговоры по телефону. Сам не знал почему – мнительность по поводу вездесущих жучков или просто желание видеть собеседника, его реакцию.

Он достал из шкафа костюм горчичного цвета, яркий галстук. Заехал на своем раздолбанном «Фольксвагене» к знакомому директору фирмы, попросил «Сааб» с водителем на пару часов.

– У тебя даже походка другая в этом костюме, – заметил бизнесмен. – Покруче, чем у меня.

– Осталось раскошелиться на соответствующие сигареты.

– Да, твои с этим пиджачком не катят.

В половине пятого коренастый человек в костюме горчичного цвета размашистой походкой вошел в приемную.

– Самохина нет, – не поднимая головы, известила секретарша.

– Какая неудача. Вот что значит являться без звонка. Может быть мы и без него обойдемся. Дайте-ка ваши реквизиты.

– Хотите перевести деньги на счет?

– Вообще-то я собирался сперва перекинуться словом с вашим шефом. Поинтересоваться, куда вы их пустите.

Секретарша смотрела на Левченко так, словно он с неба свалился. Майор про себя отметил председательский вкус: даже не видя ног, можно было поручиться за их стройность. В комплект к таким волосам и коже Бог не мог не отжалеть соответствующих конечностей.

– Вы собираетесь сделать пожертвование? – еще раз переспросила секретарша.

– А что в этом странного – не вижу. Неужели я первый?

– Нет, конечно.

– Друг у меня был – капитан внутренних войск. Из нашего московского СОБРа. Подорвался на mine. В память о нем.

– Понятно. Вот, держите, – секретарша протянула бумажку с названием банка и номером счета.

– Благодарствую. А Самохина вашего когда вернее застать?

– Попробуйте с самого утра. Но гарантии дать не могу, лучше всего звонить. Если не секрет, какую примерно сумму вы собираетесь переводить?

– Тысяч пять долларов.

– Понимаете в чем дело, – она колебалась: начинать разговор или нет. – У нас сейчас такой кавардак. Неизвестно, что будет завтра. То ли все останется по-прежнему, то ли начнется полная смена декораций. Может быть фонд разделится пополам, может просто развалиться.

– И тут склоки?

– Еще какие.

– Е-мое, это называется боевые соратники. Договориться по-братски не могут, – персонаж Левченко вполне мог так грубовато выразиться.

– Тут братством и не пахнет, – секретарша поднялась с кресла на колесиках. – Извините, мне уже пора.

– Давайте подвезу? Заодно познакомимся.

Левченко не ошибся в своих предположениях: фигура секретарши соответствовала самым высоким стандартам.

– Марина.

В отличие от других известных Левченко секретарш она держалась удивительно просто и дружелюбно.

– Меня Максим. Теперь припоминаю – краем уха я слышал, что у вас скоро перевыборы. То ли председателя, то ли правления.

– Вот-вот. Не знаю: наверно я не должна об этом говорить, но ваши деньги могут провалиться в черную дыру. Я бы советовала подождать пока все утрясется.

– Куда вам? – спросил Левченко, когда роскошный автомобиль стал выкатываться со стоянки.

– Сиреневый бульвар, тридцать четыре. Если Самохина переизберут, мне тоже придется подать заявление.

– А это реально?

– Очень даже. Последнее время под него копают не покладая рук. Вы, наверно, редко читаете газеты.

– Их сейчас слишком много развелось.

– Понавесили на него всех собак. Якобы всю войну он просидел безвылазно в Ханкале, охраняя аэропорт.

– Я сам проторчал там месяц. Далеко не курорт – каждую ночь начинался концерт.

– Якобы, через фонд прокручивают денежки сомнительные фирмы.

– Там, где есть налоговые льготы, это неизбежно, – махнул рукой матерый бизнесмен в костюме горчичного цвета. – Пусть проверят любую благотворительную организацию. Другое дело – надо иметь чувство меры.

«Сааб» домчал их быстро, несмотря на бесчисленные остановки на перекрестках.

– Завезти во двор или на вас тоже собирают компромат?

Марина рассмеялась:

– В наше время этого слишком мало. Я не брала обязательств пользоваться только общественным транспортом.

– А если напроситься к вам в гости. Хотелось бы прояснить для себя ситуацию. Возможно, я чем-то смогу помочь вашему шефу. Будет жаль, если вы потеряете работу.

– Только предупреждаю – у нас сломался лифт. Как вам перспектива забраться своим ходом на двенадцатый этаж?

– Я просто обязан вас сопровождать – мало ли что случится по дороге.

Отпустив машину с водителем, Левченко последовал за Мариной.

– Вы в отличной форме, – удивилась она, отпирая дверь. – Даже не запыхались.

– Жизнь заставляет – не дает расслабиться.

Левченко пользовался стабильным успехом у женщин, прежде всего потому, что никогда не относился к ним потребительски. Никогда ни на чем не настаивал, не тянул в постель. Не пытался использовать, не забывал резко и бесповоротно. Был надежен и предсказуем, в служебные дела не посвящал, зато не мельтешил, не врал по мелочам.

Обычно женщины с ним не капризничали, понимая, что он и так жалеет их, как мятущихся бабочек-душ на суровом ветру. Хотя у его нежности были четкие границы. Каждая чувствовала – сегодня Левченко хорошо с ней, но в его жизни остается много вещей, существенно более важных.

– У вас найдется молотый кофе и минералка?

– Сейчас поглядим.

– Смотрите получше. Тогда я угощу вас кофе по своему рецепту.

– Приятно, когда гость тебя угощает.

– Все дело в воде. Если пользоваться той, что течет из крана, самые лучшие сорта вас не спасут.

– Но ведь она соленая, – удивлялась Марина, наблюдая как Левченко помешивает минеральную воду в бокале. Пузырьки газа поднимались кверху и лопались на поверхности.

– Об этом поговорим после первого глотка.

– Я молчу.

Напиток показался Марине чудесным:

– В самом деле: небо и земля.

– Вы тут одна обитаете?

– С дочерью. Летом отправляю ее к родителям. У них там река, лес, ягод ешь – не хочу.

Ему хотелось дотронуться до ее прохладной шелковистой кожи там, где проступал на шее голубой след артерии. Поневоле вспомнился труп Лины – как раз в этом месте острие проткнуло шею.

– А кто такой Постников? – труп с рыжими волосами как будто лежал между ними, и Максим решил пока вернуться к делу.

– Человек, которого прочат в новые председатели. Бывший спецназовец, после штурма Грозного ему ампутировали ногу. В финансовых делах полный профан – его будут использовать как ширму. Послушайте, Максим, я вас вижу в первый раз, а уже столько всего нарасказала – у вас, наверно, гипнотические способности.

Он дотронулся загрубелыми кончиками пальцев до ее шеи. Таким же шелковистым, нежным, как речная вода оказалось все ее тело. Максим словно погружался в него, тонул. Тонкие пальцы как водоросли оплетали его шею, не давали вынырнуть на поверхность.

– О нашем разговоре никто в фонде не должен знать.

Они лежали рядом под простыней, касаясь ступнями, бедрами, плечами. Постепенно прорастая друг в друга, они становились одним существом. В такие минуты Левченко приучил себя раздваиваться. Одна половина его существа плыла в потоке ощущений. Другая оставалась в стороне, на берегу, терпеливо ожидая, пока круг путешествия под простыней исчерпается и замкнется.

– Я сразу тебе не поверила. Никто не являлся в фонд, тем более не назначив заранее встречу. По крайней мере, никто из тех, кто переводил нам деньги – Самохин сам месяцами обивал пороги... Хочешь, чтобы я за кем-то следила?

– Ни в коем случае. Дело серьезней, чем ты думаешь. Держись в стороне.

«Если начинаешь вербовать женщин, с которыми спишь, можно списывать себя со счетов», – подумал Левченко.

– Почему? Считаешь, что женщинам нельзя доверять? – Марина словно слышала его слова.

– С ними не может быть чисто деловых отношений. Чрезмерная преданность тоже к добру не ведет.

Часть вторая

Глава первая. И на кладбище бывает беспокойно

Чтобы помочь Зибе, следовало прежде всего завоевать ее доверие. Они с Алексеем вместе ходил плавать в бассейн, качать мускулатуру на тренажерах. Иногда под настроение брали напрокат по мотоциклу и летали по ночной набережной Москва-реки.

По небосводу тонкой кистью были размазаны нежные перистые облака, подсвеченные оранжевым заревом огромного города. Освещенные прожекторами здания дробились, отражаясь в воде. Разорванный скоростью воздух бил в лицо. То он, то Зиба отрывались вперед, почти ложась на руль, поглядывая в зеркальце на отстающего.

Тормозили возле любого из ночных магазинчиков – промочить горло натуральным лимонным или апельсиновым соком. Обменивались двумя-тремя короткими репликами и вперед. Они могли кататься всю ночь напролет – когда возвращались домой, спать не хотелось. Алексей надевал наушники, чтобы послушать музыку, Зиба располагалась в кресле – полистать иллюстрированные журналы: «Плейбой» или «Птютч».

Однажды за ними увязались двое тяжеловесов-бородачей на «Харлеях». У одного сзади сидела девица, посвечивая в ночи голыми ляжками. Сквозь треск четырех движков он что-то хрипло орал Зибе, срываясь на лающий смех.

Непрощенных попутчиков, в особенности шумных и назойливых, она не переносила. Но оторваться от «харлеистов» было задачей трудновыполнимой – тяжело спорить с рокерами-фанатами, которые проживают всю жизнь на мотоцикле.

Зиба неожиданно затормозила, развернувшись поперек дороги. Оба бородача, сидевшие у нее на хвосте, чудом увернулись от столкновения. Один вильнул вправо, другой влево. Оба выровняли своих хромированных красавцев ценой по десять тысяч долларов – даже искры мигнули из-под колес.

– Для чемпионов та сторона, – Зиба махнула рукой через играющую отблесками реку.

К этому времени Алексей успел сделать вираж и вернуться обратно.

– Мандавошка, если бы ты мне поцарапала машину... – прохрипел бородач в черной майке. – Ты прикидываешь сколько она стоит?

Алексей соскочил с мотоцикла и направился к бородачу.

– Ну давай – последние десять шагов на своих двоих, – ухмыльнулся тот.

– погоди, дай сперва мне, – остановила мужа Зиба.

За несколько мягких пружинистых шагов она приблизилась вплотную к «харлеисту» и с разворота ударила его ногой в лицо. Благодаря тяжелой подошве удар получился весомым. Но толстокожего «харлеиста» трудно было «пробить» с первого раза – он только откинулся назад и сразу же выровнялся. Девица, сидевшая сзади, взвизгнула – своим затылком от разбил ей губу.

Второй тяжеловес недовольно заворчал и соскочил на асфальт. Алексей преградил ему путь и только в последний момент различил зажатую в кулаке бородача монтировку. Перехватив занесенную руку, он стукнул противника ногой по колену. Тот глухо охнул, словно самосвал, ссыпавший из кузова пять кубов песка, и присел на корточки.

Алексей замахнулся, чтобы отключить его наверняка, но получил неожиданный удар головой в живот. Сгусток боли, поднявшись вверх, распер горло, зазвенел в ушах и замельтешил в глазах радужными кругами и кольцами. Все-таки Алексей нашел в себе силы отступить на шаг и прямым в переносицу вырубить тяжеловеса.

Тут же мимо пролетела Зиба, стукнувшись о переднее колесо – осатаневшему «харлеисту» удалось схватить ее в охапку. Застрекотал мотор – бородач завел мотоцикл явно не для того чтобы убраться восвояси.

– Дави эту мразь! – завопила его спутница.

«Харлей» успел сдвинуться с места, когда Алексей в прыжке дотянулся до водителя, зажал ему голову и, упершись ладонью в подбородок, стал запрокидывать назад. Бородач дал газ и помчал вслепую. Увидев перед собой стремительно вырастающую стену дома, Алексей спрыгнул и кубарем покатился по асфальту.

У «харлеиста» не оставалось времени свернуть в сторону, но ограждение тротуара приняло удар на себя. Мотоцикл смял его и отскочил в сторону. Водитель вылетел из седла, тяжело шлепнулся оземь, но тут же вскочил как ни в чем не бывало и попер в атаку.

На этот раз его встретила Зиба. Она успела подобрать монтировку, и Алексей услышал, как после удара по голове раздался короткий треск, похожий на треск переломившейся сухой ветки.

Он сразу понял, что монтировка проломила «харлеисту» череп – с одной неприятностью было покончено, но другая только начиналась. Каждую минуту могла появиться милиция – драка наделала достаточно шума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.